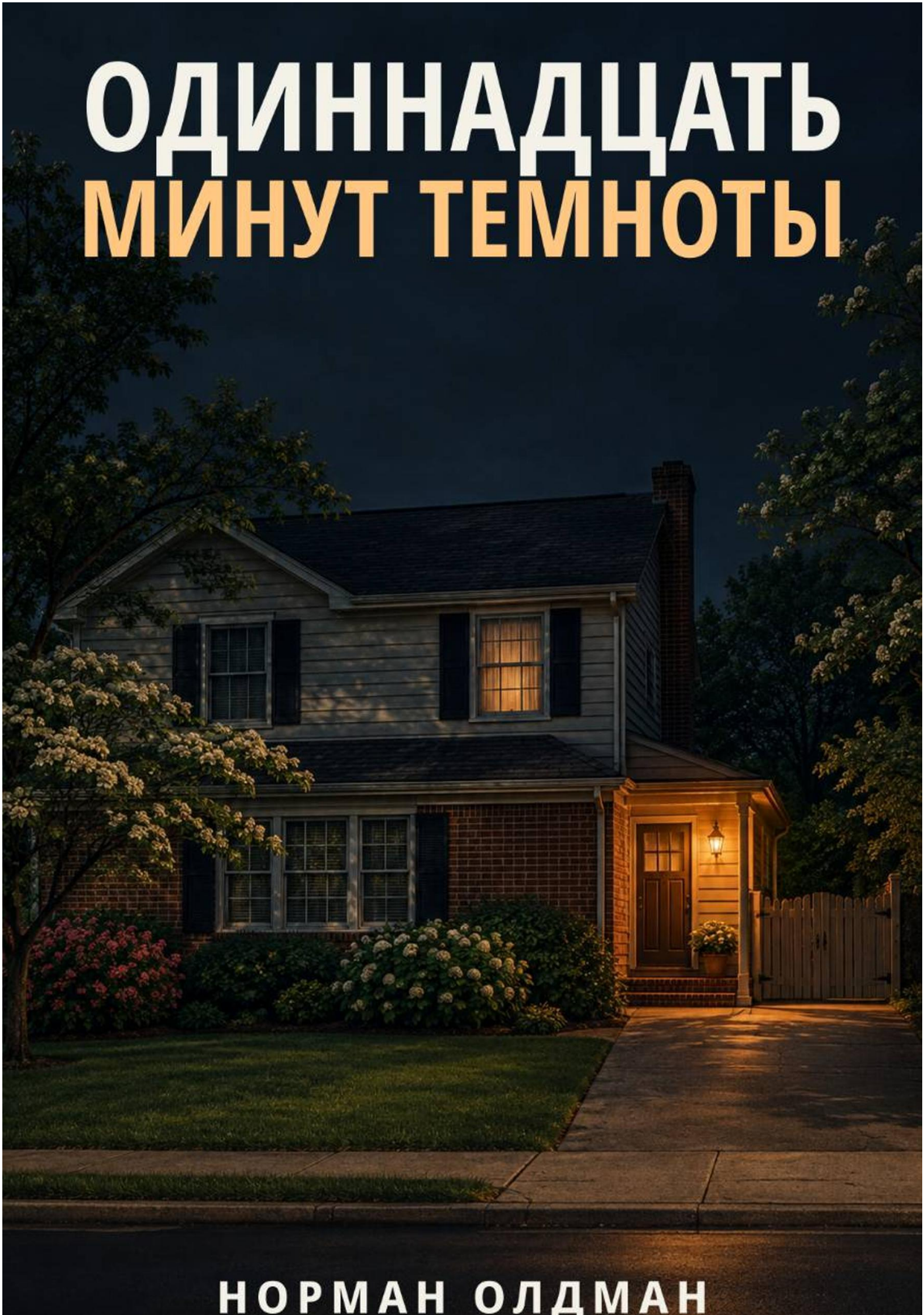
ОДИННАДЦАТЬ МИНУТ ТЕМНОТЫ



НОРМАН ОЛДМАН

Норман Олдман

Одиннадцать минут темноты

«Автор»
2026

Олдман Н.

Одиннадцать минут темноты / Н. Олдман — «Автор», 2026

Грейс Хейл помогает соседке Лии уйти от партнёра, который следит за её передвижениями. Несколько соседей соглашаются на одиннадцать минут приостановить запись на своих камерах. Вернувшись домой, Грейс обнаруживает, что её девятилетняя дочь исчезла. Теперь полиции нужны записи с камер и показания тех самых соседей, которым Грейс доверилась.

© Олдман Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
До обеда 5
Боковая дверь 7
Глава 2 8
Два стола 8
В среду дома 11
Глава 3 14
Полчаса 14
На обложку 17
После спектакля 20
Глава 4 23
Глава 5 30
Глава 6 40
Глава 7 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Норман Олдман
Одиннадцать минут темноты

Глава 1

До обеда

Вторник, 5 мая. Утро.

Лия перевернула телефон на коленях. Свет экрана всё ещё пробивался между пальцами.

Грейс остановилась перед мастерской. За витриной, в которой зимой висели бумажные цветы, теперь стояли две пустые рамы. Одна была размером с дверь. На стекле отражалась машина; Лия смотрела мимо собственного отражения на маленькую табличку с часами работы.

— Я могу подъехать с другой стороны, — сказала Грейс.

— Здесь хорошо.

Телефон снова зазвонил. Лия перевернула его. На экране было имя её партнёра, Гранта.

— Да. Доехала.

Грейс потянулась к радио и выключила, хотя звук был почти не слышен.

— Нет, сейчас войду, — сказала Лия. — Я не за рулём.

Она выслушала ответ. Свободной рукой прижала к коленям папку.

— С Грейс.

У Грейс заныло между лопатками. Захотелось поздороваться громко, чтобы голос в трубке получил подтверждение и разговор закончился. Лия повернулась к окну.

— Я после сама решу. Пока.

Она не убрала телефон в сумку: подержала, глядя на чёрное стекло, и положила в карман.

— Тебя ждать? — спросила Грейс.

— Не надо. Я к вечеру напишу.

За ними остановился фургон доставки. Водитель показал на узкий проезд, который Грейс перекрыла задним колесом. Она подала вперёд. Лия придержала папку, чтобы та не съехала.

— Ты отвезла. Всё, — сказала она. — У тебя же работа.

— Позже.

До встречи с Энн оставалось полтора часа. Грейс собиралась успеть домой, ответить на письмо и выбрать между тремя почти одинаковыми заголовками. Теперь ей показалось, что ехать домой было бы грубо.

Лия открыла дверь. Из папки выскользнула узкая полоска бумаги. Она подняла её с коврика, увидела, что край намок от вчерашнего дождя, и вздохнула с таким обыкновенным раздражением, что Грейс тоже посмотрела на коврик.

— Это можно высушить?

— Это можно выбросить. Образец не тот.

Она убрала полоску в карман, вышла и захлопнула дверь. Грейс осталась у проезда, пока не постучали по боковому стеклу. Доставщик держал перед собой большую коробку, из-за которой не было видно ног.

— Вы уедете?

— Да. Сейчас.

Вместо того чтобы уехать, она переставила машину на другую сторону улицы. Написала Лии: «Я ещё здесь, если понадобится». Две галочки появились сразу. Ответа не было.

Грейс открыла рабочее письмо. Клиент прислал заголовок, состоящий из девяти слов, и просил сделать короче, сохранив все девять. Она переписала его дважды. За стеклом мастерской прошла Лия. Остановилась у стойки рядом с женщиной в очках на шнурке, раскрыла папку. Грейс не могла слышать разговор, но увидела, как женщина покачала головой, а Лия перевернула страницу и показала другой лист.

Телефон дрогнул в руке.

«Не жди. Я на работе».

Грейс завела машину.

Лия позвонила, когда Грейс доехала до дома.

— Ты уехала?

— Да.

— Хорошо. Слушай, в четверг мне нужно будет не с работы позвонить. Можно у тебя? Не в мастерской. Тут постоянно люди.

— Конечно. Могу Ханну попросить…

— У тебя. Если ты будешь.

Грейс посмотрела в календарь. В четверг стояли зал, правки, школьное представление. Между ними оставался короткий белый промежуток, которого хватало, только если первые два дела заканчивались вовремя.

— В половине четвёртого я точно дома. До четырёх.

— Мне хватит. Если не получится, скажи заранее.

— А на работе всё нормально?

— Насчёт часов? Договорились.

Грейс не спрашивала про часы. Лия поняла вопрос иначе и не стала рассказывать остальное. Из трубки донёсся треск отрываемой ленты, потом голос: «Вот эту тоже?»

— Не ту, где карандашом! — ответила Лия, отдалив телефон. Вернулась: — Мне надо идти. Спасибо за утро.

Грейс осталась стоять у машины с ключами в руке. На кухонном окне белела чашка, которую она не убрала после завтрака. Из гостиной виднелся оставленный Беном свёрнутый коврик: вечером он собирался отнести его в гараж.

Она вошла, включила ноутбук и ответила клиенту. Из девяти слов оставила семь. Потом написала Лии время, чтобы обе могли найти его в переписке. Не спросила, кому та будет звонить: имя Нади она уже знала, а всё остальное Лия могла сказать сама.

На встречу с Энн Грейс взяла папку и два распечатанных листа. Только у общественного зала заметила, что на обороте одного была школьная заявка Джун. Вернулась к машине, переложила её в бардачок и пошла к парадной двери.

Боковая дверь

У парадного входа в зал женщина с клетчатой сумкой на колёсиках толкнула дверь плечом. Заперто. Из-под объявления о концерте выглядывала стрелка. Она указывала вправо, вдоль клумбы. У низкой стены колесо застряло между плитами.

— Подержать? — спросила Грейс.

— Нет. Тут надо назад.

Женщина откатила сумку и перенесла через щель. За углом была зелёная дверь. Грейс написала Энн: «Мы у двери». Ответ пришёл, когда она уже взялась за ручку: «Мимо мусорных баков, зелёная дверь». Баков здесь не было.

— Тут тоже зелёная, — сказала женщина.

Они обошли низкую стену, и за баками показалась вторая зелёная дверь. Энн ждала у неё с воронкой в руке. Направила женщину к Джоан, а Грейс подвела к столу, у которого вместо ножки стояла стопка ящиков. Энн опёрлась на край, стол качнулся, и Грейс поймала чашку. Из сумки женщины, уже в очереди, торчала длинная пустая бутылка.

— Завтра два стола отдают, — сказала Энн, убрав руку.

— Пришли размеры. И откуда забирать.

Энн выбрала самый короткий заголовок. Сказала, что на обложке лучше показать, как тут работают: по одним полкам никто не поймёт, что это за место. Грейс перевернула макет и увидела знакомый адрес над тремя днями выдачи.

— В субботу тоже сюда?

— В субботу здесь собираем пакеты. Выдаём у магазина.

— А тут написано, что все три дня по этому адресу.

— Если позвонят, объясним.

Телефон зазвонил. Джоан затягивала пакет и не могла снять трубку. Грейс зачеркнула в макете «Просто приходите» и на полях написала: «дальняя парковка, за баками».

У выхода женщина с клетчатой сумкой снова откатила её перед щелью. Рядом с бутылкой теперь лежал прозрачный пакет с яблоками. Грейс подняла телефон. Женщина вышла из кадра, и Грейс подождала, пока та минует клумбу. Сняла фасад, затем дверь за баками.

— Стрелку надо повыше, — сказала Энн. — Наш листок закрыли концертным.

— Пришлю завтра к вечеру. Субботу проверь ещё раз.

Энн взглянула на старое объявление.

— Хорошо. Только в пятницу надо закончить.

Уже в машине Грейс увидела сообщение Бена: он забрал Джун, но в следующий раз просил предупреждать раньше. В календаре встреча с Энн занимала полчаса, начиная с половины второго. Грейс растянула запись до текущего времени.

От Энн пришли фотографии двух сложенных столов и размер. Не в личный разговор, а в общую цепочку с ещё пятью адресами. Под сообщением кто-то уже написал: «Грейс знает людей».

Она ответила: «Узнаю насчёт перевозки». Потом вышла из машины и вернулась за оставленной возле стеллажа папкой.

Глава 2

Два стола

Среда, 6 мая.

В среду у погрузочной двери лежали три стола.

Грейс пересчитала, хотя различие было видно сразу. Два светлых пластиковых и один коричневый, с металлической полосой по краю. На коричневом стояла коробка сетевых кабелей. По полу тянулась белая дорожка там, где недавно сняли ковровое покрытие.

Луис приехал раньше неё. Его фургон стоял задними дверями к пандусу, но он ещё ничего не погрузил. Смотрел на сложенный лист в руке мужчины, который отдавал мебель.

— Вот эти два, — сказал Луис, когда увидел Грейс. — Правильно?

— Да.

Мужчина показал на третий.

— Он крепче. Их всё равно двоим нести.

— Третьего не было на фотографии.

— Разве плохо, что ещё один?

Он ушёл за крепежом. У коричневого стола одна ножка была привязана к другой проводом. Грейс позвонила Энн. Та не ответила.

Луис развернул лист. На нём были адрес, время и сумма за два стола.

— Эти берём, — сказала Грейс. — У зала примет Энн. Должна быть там.

Луис кивнул. Натянул перчатку, другая лежала на открытой дверце фургона. Грейс взялась за ближайший стол. Пластик оказался липким снизу, и она сразу пожалела, что не привезла свои перчатки.

— Подожди, — сказал Луис. — Он не закрыт.

Пружина щёлкнула. Металлическая опора ушла внутрь. Грейс придержала её обеими руками, боясь отпустить раньше времени.

— Теперь за край. Не сюда.

Они донесли стол до фургона. Он был легче, чем выглядел, но по узкому проходу приходилось идти боком. У двери стояла Рут с рулоном старого покрывала.

— У тебя номер дома без названия улицы, — сказала она Грейс. — Я сначала туда свернула, где ремонтируют бассейн.

— Я отправила адрес целиком.

— Луису. Мне ты написала: «Буду у погрузки».

Рут бросила покрывало на пол фургона и отодвинулась.

— Положите на это, — сказала Рут. — Мне не надо обратно.

Луис разгладил покрывало носком ботинка, уложил первый стол. У второго Грейс отпустила край слишком рано; он стукнул её по колену. Она зашипела сквозь зубы.

— Держи, — сказала Рут.

Взялась вместо неё, не спрашивая про ногу. Грейс придержала дверь и смотрела, как они проходят последние несколько шагов. У обоих были заняты руки; от неё требовалось просто не дать двери закрыться.

Энн перезвонила, когда второй стол уже закрепили. Сказала, что возьмёт и третий, если привезут. Грейс посмотрела на провод между ножками и на часы. До следующего заказа Луиса оставалось меньше часа.

— Только два. Кто откроет в зале?

— Джоан.

Мужчина вернулся с коробкой крепежа. Рут провела ладонью по краю третьего стола и вытащила щепку.

— Его чинить сначала.

Мужчина поволок стол к стене. Грейс шагнула было помочь.

— Мне на выезд, — сказал Луис, закрывая дверцы фургона.

— Энн переведёт, — сказала она Луису, прикрыв ладонью телефон.

Он не завёл машину.

— Сейчас или потом?

Грейс убрала ладонь.

— Энн, переведи, пожалуйста, сейчас. Сумма за два, как договаривались.

Она осталась на линии, пока Энн искала реквизиты.

Луис положил руки на руль. Солнце освещало левую сильнее правой. Грейс старалась не смотреть на экран его телефона в подставке, но заметила, как он загорелся. Луис прочитал, кивнул ей и наконец повернул ключ.

Рут осталась рядом с Грейс, придерживая волосы у виска.

— Я еду туда, — сказала она. — Ты?

— Мне нужно закончить текст.

— Тогда я приму. Не надо за нами ехать и стоять.

— Ты скажешь, что они приехали?

— Скажу, — ответила Рут и пошла к машине.

Луис ждал, пока проедет грузовик. Грейс подошла к его окну.

— Спасибо, что смог.

— Это работа.

Она не стала спрашивать, как идут дела. С тех пор как она разослала соседям отрывок с его фургоном, такой вопрос звучал бы как просьба успокоить её. В общей цепочке уже спрашивали, всё ли забрали. Грейс написала: «Два стола везут. Третий не берём».

Дома она обнаружила в кармане маленькую пластиковую заглушку. Подняла её у погрузочной двери, пока ждала, и не заметила, как убрала. Положила возле клавиатуры. Сначала ответила на письмо по другому заказу — тому, за который платили больше и который с утра всё время отодвигался.

Грейс дописала письмо и пошла в гараж за удлинителем. Она собиралась переставить принтер поближе к столу, а шнур до розетки не дотягивался. В коробке с проводами лежал старый регистратор. Бен обмотал его провод вокруг корпуса, а конец заправил под ножку. В таком виде прибор занимал меньше места, но до удлинителя под ним было не добраться.

Она вынула регистратор целиком. На крышке оставалось чистое пятно от наклейки. Когда его отключили, ей показалось, что о нём можно забыть: при необходимости новый покажет, кто оставил коробку на крыльце или с какой стороны пришёл Мот. Новый снимал ближе к двери. В старом кадре была видна почти вся лужайка.

Когда Оуэн учил Джун кидать мяч, он ставил её у края травы и сам отходил к тротуару. После каждого броска Джун делала шаг к нему. Она верила, что стоит на месте, пока не оказалась так близко, что могла положить мяч ему прямо в ладони. Грейс помнила, как смотрела на них из окна. Помнила и то, что тогда не вышла. Ей хотелось ещё раз увидеть, когда Оуэн заметил, что сестра подошла, и почему сам не отступил.

Бен собирался в гараж, держа пакет со сломанным тостером.

— Этот тоже? — спросил он.

Грейс положила ладонь на крышку.

— Я ещё спрошу у Дэниела.

Дэниел брал у соседей мелкую технику в ремонт. Днём он написал: «Занеси лампу до ужина, посмотрю». Грейс положила прибор в пакет с лампой, но у калитки вынула. Стеклянный плафон в пакете она проложила полотенцем. Регистратор положила на предплечье и так донесла оба.

Дэниел открыл боковую дверь, взялся за ручку пакета.

— В пакете лампа?

— Да. И ещё вот.

Он высвободил провод из-под ножки регистратора и посмотрел, цела ли вилка.

— Что с ним было?

— Перестал включаться. Тогда мы его убрали. Можешь посмотреть, он вообще работает?

Дэниел открыл дверь шире и показал на свет в глубине дома.

— Можно на стол. Хотя давай сюда, ты с пакетом не развернёшься.

Он поставил пакет на ступеньку и принял прибор обеими руками. Провод ударил его по голени.

— Посмотрю, — сказал он. — Если включится, напишу.

На сгибе локтя у Грейс осталась полоска пыли. Она могла сказать про детей, но вспомнила Оуэна у тротуара и поняла, что ей пришлось бы ещё объяснять, какой день искать. Даже месяца она не знала.

— Ладно. Я тогда пока ничего не выбрасываю.

Дэниел поставил регистратор за порогом и поднял пакет с лампой. Из него выглянул угол полотенца.

— Это я верну, — сказал он.

Она не сразу поняла, что он про полотенце.

В среду дома

Среда, 6 мая. После перевозки столов.

Бен поставил перед ней тарелку, на которой лежало больше, чем она могла съесть. Грейс хотела попросить убрать половину и не стала. За день она выпила два кофе, съела банан в машине и теперь сердилась на еду за то, что та появилась не вовремя.

— Я сейчас допишу, — сказала она.

— Остынет.

— Тут одна строка.

Она сдвинула тарелку, чтобы капля соуса не попала на ноутбук. Джун положила рядом мокрую салфетку. На ней лежали четыре семечка.

— Это не мусор.

— Я вижу.

— Нет, ты потом выбросишь. Это на завтра.

— Убери туда, где я не выброшу.

Джун взяла салфетку за два уголка. Семечко соскользнуло на стол, второе прилипло к пальцу. Она стряхнула его слишком сильно; оно упало под ноутбук.

Грейс приподняла компьютер. В открывшемся письме Энн спрашивала, можно ли всё-таки поставить на обороте карту. До этого согласовали стрелку и две строки.

— Мама, не опускай.

Джун просунула ладонь под тёплое дно. Грейс держала ноутбук, пока дочь не нашла семечко, затем закрыла крышку.

— Поели бы сначала, — сказал Оуэн.

Он говорил не ей одной. Отец стоял у мойки, пытаясь отклеить от формы пригоревший кусок. Бен оставил форму в воде и сел. Джун устроила салфетку на свободном стуле.

— А туда кто сядет? — спросил Оуэн.

— Никто.

— У нас всего четыре стула.

— Нас и так четверо.

Он приподнял тарелку, показав, что действительно проверяет. Джун засмеялась с набитым ртом. Грейс протянула ей салфетку из пачки; дочь взяла, показала пустой рот и только после этого вытерлась.

У Бена на запястье краснел след от рукавицы. Она спросила, обжёгся ли он. Он покачал головой, подвигал резинкой часов. Часы снимал для духовки, потом надел поверх влажной кожи.

— Мы завтра к семи, — сказал он. — Вход с шести тридцати. Я пораньше поеду.

Оуэн поднял палец, дожёвывая.

— В шесть. Для нас в шесть.

— Я знаю. Я тебя отвезу.

Грейс открыла на телефоне календарь. Там уже было время, выделенное ярким цветом.

— Я успею.

— Я сказал, что отвезу, — ответил Бен.

Он не смотрел на её телефон. Оуэн отломил кусок хлеба и положил рядом с тарелкой. Есть не стал: отрывал от мякиша маленькие кусочки, прижимал их друг к другу.

— В пятницу обратно тоже я, — продолжил Бен. — Они ещё разбирают после последнего.

— Знаю.

Она не знала. Знала про разбор, но в голове пятница оставалась днём, когда Бен с детьми будет дома. Лия уже сказала, что у Гранта вечернее мероприятие. Точного времени ещё не было; Грейс не обещала ничего, что нельзя было бы изменить.

— Джун со мной, — сказала она.

Дочь подняла глаза от тарелки.

— Я могу с папой?

— Это поздно.

— Не смотреть. Забирать.

— Я буду ждать, пока закончат, — сказал Бен. — Может быть, долго.

Джун взяла хлебный шарик брата. Он не отнял. Она положила его рядом со своей вилкой, поправила, чтобы не укатился.

— Тогда можно мне фильм? Весь.

— Посмотрим, — сказала Грейс.

— Какой смысл смотреть не весь?

Оуэн поднял со стола два оставшихся куска хлеба и забросил в рот. Потом спросил, можно ли взять у отца старые наушники. Не те, что хорошие; те, у которых мягкая часть отходит.

Они пошли искать их после ужина. Джун пересчитала семечки и спросила, где маленькие горшки. Грейс сняла один с полки. Он был занят засохшим стеблем.

— Здесь ничего не вырастет.

— Вытащи.

— Он не вытаскивается.

Грейс взяла горшок, потянула за стебель. Земля поднялась целым комом и рассыпалась на стол. Джун отступила со своей салфеткой. Мот подошёл понюхать.

— Не надо ему, — сказала дочь.

— Я не даю ему землю.

Из гаража донёсся смех Оуэна. Грейс посмотрела на время. Письмо Энн всё ещё ждало. Она принесла щётку, собрала землю, протёрла стол. Горшок Джун понесла в ванную мыть сама. Из-за двери сразу раздался грохот, затем:

— Всё целое!

Бен вернулся с листом бумаги. На экране его телефона тянулась колонка цифр.

— Можем сейчас?

— Я обещала отправить макет.

Бен сел на стул, где ещё недавно лежали семечки. Вода за дверью ванной шумела. Оуэн прошёл мимо с наушниками на шее, показал отцу большой палец.

— Я не спрашиваю, что ты обещала Энн.

— Это работа.

— Я знаю.

Она села напротив. Бен подвинул телефон. Внизу экрана было видно объявление о квартире, поверх него — открытый калькулятор. Сумма не помещалась в строку полностью.

— Это вместе? — спросила Грейс.

— Что вместе?

— С остальным. С домом.

— Нет. Это отдельно.

Он открыл список. Грейс увидела знакомые платежи, перелистнула вниз. В самом конце стояло слово «переезд», рядом ничего. Она вернулась наверх, словно можно было проверить, не относится ли слово к другому человеку.

— Ты уже смотрел?

— Объявления. Я тебе говорил.

Говорил. В машине после магазина, когда сзади Джун рвала пакет с булочками и крошки попадали между сиденьями. Грейс слышала и попросила не сейчас. Не сейчас не означало согласия, но всё остальное время они жили так, будто означало.

— Я не понимаю на этом экране. Сделаешь бумагу?

Бен повернул телефон к себе. Несколько секунд смотрел на него.

— Сделаю.

— Не надо сейчас печатать. Там принтер…

— Я на работе распечатаю.

Из ванной вышла Джун, держа горшок перед собой. Волосы возле лица намокли, на футболке тянулся широкий тёмный полукруг.

— Можно землю обратно?

Грейс встала. Бен отодвинул стул, пропуская её к шкафу. Обычное движение: за этим столом иначе нельзя было разойтись.

Землю они насыпали из пакета, который оказался почти пустым. Джун проткнула её карандашом, опустила семечки, зарыла. На горшок приклеила бумажку: «Не трогать. Не пустой».

Когда Грейс вернулась к компьютеру, Бен уже унёс тарелки. На его месте лежала чистая ложка — он принёс её для земли, но они обошлись карандашом.

Она ответила Энн: карту в этот макет сегодня не добавит, сначала нужно проверить, как люди действительно находят вход. Отправила и открыла другой заказ. До полуночи оставалось три часа. В половине одиннадцатого она закрыла файл, не закончив: следующая фраза никак не переставала быть предыдущей, только другими словами.

На подоконнике стоял вымытый горшок с запретом. Внизу стекла отразились её руки, пустая тарелка и освещённый экран. Грейс выключила настольную лампу и пошла наверх.

Глава 3

Полчаса

Четверг, 7 мая. До поездки в зал.

В половине четвёртого Лия пришла без сумки. В руке у неё был конверт, сложенный пополам, но она не стала его открывать.

Грейс освободила кухонный стол. Джун была у Ханны, Оуэн ещё не вернулся; в доме впервые за день стало тихо. Убирать со стола почти не пришлось. Отодвинуть чашку, перевернуть распечатку.

— Я могу наверх, — сказала она.

— Побудь пока.

Лия села.

— Сначала на работу.

На конверте был рабочий номер мастерской; она сверила его с цифрами на телефоне и нажала вызов. Грейс отвернулась к мойке, включила воду; Лия подняла ладонь.

Вода прекратилась. Несколько гудков были слышны обеим.

— Это Лия Даннер. Мы про часы разговаривали во вторник. Да.

Грейс взяла полотенце. Не знала, вытирать ли сухие руки, положила его рядом.

— В понедельник я смогу позвонить. Я ещё не знаю, во сколько буду на месте. Нет, пока не вычёркивайте.

Лия прижала конверт к столу и написала на нём что-то короткое. Ручку достала из кармана. Грейс заметила, что колпачок был обмотан тонкой бумажной полоской, чтобы держался.

— Заказ я верну через стойку. Да, до полудня в субботу. Уже почти закончила. Если не сама, привезут.

Она замолчала, слушая. Потом сказала:

— Не на домашний. На этот. Я сама посмотрю сообщения.

Грейс видела её пальцы. Не дрожали; большой палец прижимал край конверта, и там образовалась влажная ямка.

— Спасибо. До понедельника.

Лия закончила разговор, некоторое время не убирала телефон от уха. Опустила его, посмотрела на написанное и зачеркнула одно слово.

— Субботу уже отдали другой, — сказала она. — Остальное пока оставят мне. До понедельника.

— А потом?

— Позвоню. Если смогу ездить, буду работать. Если нет — тогда отдам часы.

Она сложила конверт по другому сгибу. Грейс придвинула стакан, который приготовила заранее; Лия выпила половину залпом.

— Ты могла позвонить оттуда.

— Там за стойкой все слышат. Начали бы спрашивать, куда я еду, кто смену возьмёт. Начальнице я сказала, что пока не знаю, смогу ли добираться. Больше мне нечего им сообщить.

Грейс кивнула. На телефоне засветился ответ Энн: ждут не позже пяти, потом нужно закрывать зал. До школы оттуда она успевала, если не задерживаться.

Лия положила конверт в карман.

— Теперь Наде. Можно я одна?

— Конечно.

Грейс взяла ноутбук и ушла в гостиную. Кухню отделял короткий коридор; закрыть там было нечего. Она прошла дальше, на крыльцо, села на верхнюю ступеньку. Экран на солнце почти не читался. Рядом с ботинком полз муравей, таща белую крупинку больше собственной головы.

Грейс открыла рабочее письмо. Дважды перечитала одну строку, не ответила.

Дверь за спиной открылась.

— Я закончила, — сказала Лия.

Она стояла босиком: сняла туфли возле стула. Грейс потянулась к ноутбуку, он съехал со ступеньки, и обе одновременно поймали его за разные края. В раскрытом экране отразилось небо.

— Спасибо.

— Кому из нас? — спросила Лия.

Грейс засмеялась. Лия села рядом, оставив одну ступеньку между их ногами. На пятке у неё был след от задника туфли.

— Я в пятницу уйду, — сказала она. — Завтра.

Грейс закрыла ноутбук.

— Хорошо.

— Дэниел сможет. Я ему сама напишу. Мне надо, чтобы до машины никто не послал Гранту ещё одну запись.

— Я поговорю с владельцами.

— Не со всеми на улице.

— Я понимаю.

Грейс знала, какие камеры захватывали дорожку. Когда-то сама собирала деньги на одну из них и помогала выбрать место. Теперь мысленно пыталась разделить людей, которых нужно предупредить, и людей, которым не нужно знать почему.

— Он до полуночи будет на мероприятии, — сказала Лия. — Я хочу выйти позже. Когда меньше ходят.

— В одиннадцать?

— После. Я ещё посмотрю, во сколько Дэниел может.

— Мне нужно знать время, — сказала Грейс. — Джун будет дома. Я попрошу Ханну побыть с ней.

Лия посмотрела на неё.

— Тогда сначала спроси. Не надо из-за меня оставлять её одну.

— Я не оставлю.

— Я знаю.

— Если кто-то не согласится, не уговаривай, — добавила Лия. — Я всё равно завтра.

— Я тебе скажу, кто оставит включёнными.

Они посидели ещё немного. По улице прошла женщина с собакой. Грейс поздоровалась; Лия тоже. Собака остановилась у базилика и обнюхала горшок. Хозяйка потянула поводок, извинилась так, словно собака успела сделать что-то гораздо хуже.

— Он и так дохнет, — сказала Лия, когда женщина отошла.

Грейс посмотрела на листья.

— Я поливала.

— Похоже, много. У меня такой тоже не прижился.

Она впервые улыбалась не в ответ на шутку Грейс. Обе посмотрели на поникший куст. Грейс захотела потрогать землю и осталась сидеть.

Лия встала, пошла за туфлями. В прихожей нагнулась, но не обулась сразу: высыпала из одной маленький камешек. Тот отскочил под комод.

— Оставь, — сказала она. — Я бы туда тоже ушла.

Грейс открыла дверь. Лия пошла домой по передней дорожке, ни от кого не прячась. До забора было всего несколько шагов. Грейс дождалась, пока она повернёт, и написала Ханне: «Ты свободна завтра поздно вечером? Когда сможешь сказать точно?»

Потом посмотрела на часы. Четыре двадцать. Встреча заняла больше обещанного получаса, но до пяти она ещё успевала. Взяла макеты, закрыла ноутбук в сумке и вышла. За горшком на крыльце муравей тащил свою крупинку к той же щели; только теперь белое было надкушено с двух сторон.

На обложку

Четверг, 7 мая.

В четверг столы уже стояли в зале, накрытые бумажными скатертями. У одного выдвинули только три ножки; четвёртая оставалась короче остальных. Грейс присела, нашла фиксатор и потянула. Скоба не поддалась.

— Подними край, — сказала Энн.

Вдвоём они выровняли стол. Банка с мелочью перестала дребезжать. Грейс отряхнула колени и достала лист.

На обложке были руки с пакетом. Энн прислала фотографию утром и написала, что эти люди обычно помогают и наверняка не станут возражать. В маленьком размере было видно лишь запястье и часть рукава; Грейс вставила снимок, чтобы показать расположение текста, а перед поездкой заметила лицо в стекле за спиной женщины. Взяла с собой вариант без фотографии тоже.

Энн сразу выбрала с фотографией.

— Вот. Уже совсем по-другому.

— Ты спросила?

— Она сейчас придёт.

— А кто снимал?

Энн взяла лист ближе к глазам.

— Наши. Мне переслали.

В зал внесли ящик. Его край задел дверь, она ударилась о стену, и женщина у стеллажа поморщилась, не поднимая головы. На свежем белом листе возле ручки Грейс узнала свои вчерашние слова: «Вход со стороны дальней парковки». Энн обвела их зелёным маркером. Стрелку поставили выше.

Женщина с клетчатой сумкой вошла через несколько минут. Сегодня на ней была другая кофта, а пустую бутылку она несла в руке. Энн поздоровалась и показала макет.

— Мы делаем листок для программы. Красиво получилось, правда?

Женщина взяла его, сначала прочла верхнюю строку. Потом поднесла к лицу.

— Это я?

— Только руки. Я подумала, ты у нас столько помогаешь…

— Это со вторника?

Грейс посмотрела на пакет. На нём сбоку была печать магазина; через пластик темнели яблоки. Бутылка виднелась в клетчатой сумке у ног. Она узнала её только теперь.

— Мне этот снимок прислали, — сказала она. — Я пока его никуда не отдавала.

Женщина провела большим пальцем по фотографии. Бумага чуть выгнулась.

— Я не работаю здесь. Я за продуктами прихожу.

Энн перестала улыбаться.

— Да. Я знаю. Я имела в виду, ты всегда коробки складываешь. И помогаешь.

Женщина протянула лист обратно.

— Я бы не хотела.

— Лица почти не видно, — начала Энн и замолчала.

Грейс сложила лист фотографией внутрь.

— Уберу. Скажите, пожалуйста, кто вам прислал, — попросила она Энн.

— Я найду.

Женщина осталась стоять возле них.

— Мне забрать? — спросила она.

Грейс развернула макет и отдала. Женщина перегнула его ещё раз, убрала в наружный карман сумки.

— Здесь надо отмечаться? — спросила она, показывая на стол.

Энн повела её к Джоан. Через несколько секунд они уже говорили о часах следующей выдачи. Грейс открыла ноутбук на подоконнике. Сняла фотографию с обложки; заголовок поехал, белое пустое место оказалось слишком большим. Она попробовала уменьшить его и получила серую полосу над текстом.

— Можно сверху наши полки, — предложила Энн, вернувшись. — Без людей.

— Давай посмотрим.

На полках ей снова попадали в кадр люди. Грейс поставила на стол прозрачный пакет с яблоками и сняла его сбоку, оставив в кадре помятую скатерть.

— Словно просто покупки, — сказала Энн.

— Здесь и есть продукты.

Грейс увеличила снимок. В пластике отражалось только окно.

— Нашла, кто снимал? — спросила она, когда Энн вернулась.

Та открыла переписку. Фотографию отправила волонтёр, которая приходила во вторник утром. Под ней было написано: «Для отчёта, наконец всё разложили». Энн начала печатать, остановилась и протянула телефон Грейс.

— Как лучше сказать?

Грейс прочла: «Женщина против». Вернула аппарат.

— Напиши, какой снимок. Что мы его не используем. И спроси, куда ещё отправляли.

Энн добавила две строки. Нажала отправку.

— Нам всё равно понадобятся люди на сайте, — сказала она.

— Тогда снимем тех, кто согласится. Отдельно.

— Когда?

Грейс уже открыла календарь, но за дверью скрипнули колёса. Женщина уезжала с пакетом. На её сумке торчал угол сложенного листа.

— Договоримся после этого буклета, — сказала Грейс.

Она повернула ноутбук к Энн. Они проверили дни, телефон и две площадки. Энн поменяла «позвоните нам» на «позвоните или оставьте сообщение»: в часы выдачи не всегда брали трубку. На обороте осталось пустое место. Грейс не стала заполнять его ещё одним абзацем о поддержке.

Пока она сохраняла файл, пришло сообщение Бена: Оуэн просил не опаздывать, сегодня начинали без задержки. Грейс посмотрела на время и встала.

— Я отправлю утром. Текст и картинку отдельно.

Энн попросила ещё изображение для сообщения, чтобы не скачивать файл. Грейс снова села. У двери уже ждала Джоан, собираясь выключать свет; последнюю пробу Грейс отправила себе и захлопнула ноутбук, пока он ещё гудел.

На школьной парковке ей пришлось встать дальше обычного. Она прошла вдоль ограды почти бегом, держа сумку под мышкой. Бен ждал у входа с Джун; дочь вертела в руках программку, сгибая один угол.

— Начали? — спросила Грейс.

— Сейчас, — ответил Бен.

Он не стал спрашивать, почему она опять не видела сообщения. Взял за ручку её сумку, пока она снимала куртку. Джун уже тянула их к двери: хотела сидеть там, откуда видно Оуэна.

В зале оказалось темно. Бен прошёл первым, придерживая спинку кресла, чтобы Грейс не споткнулась. Она села, почувствовала под ладонью липкую точку — след клея с рабочей скатерти — и потерла её о джинсы.

Под сценой горела красная полоса. Джун наклонилась, пытаясь рассмотреть. Грейс подвинула сумку с соседнего места и обняла дочь за плечи, чтобы пропустить к своему креслу опоздавшую пару. В кармане один раз завибрировал телефон. Она не достала его, пока свет в зале не погас окончательно.

После спектакля

Джун первой вышла в проход, но у двери остановилась. Над головами уже горели белые лампы. Оттуда, где они сидели, теперь был виден весь стол у сцены. За ним никого не было.

— Он ушёл?

— Он провода убирает, — сказал Бен. — Подождём у выхода.

Грейс вынула телефон. Энн прислала два вопроса, оба про размер картинки для сообщения.

Оуэн вышел последним из тех, кого они знали. На шее у него висел провод, свёрнутый в кольцо, а за спиной шёл Куинн с двумя бутылками воды. Одну Куинн сунул Оуэну под локоть. Оуэн вынул телефон и показал ему экран.

— Ветер после двери, — сказал он. — Смотри, у тебя стрелка до.

— Потому что я до нажимал.

— Вот именно.

Куинн забрал у него телефон, передвинул что-то пальцем, вернул. Оуэн снял с шеи провод и отдал ему. Куинн сказал, что его ждут с другой стороны школы, и побежал к выходу.

— Я тебя почти не видела, — сказала Джун.

— Я говорил, что меня не будет на сцене.

— Я думала, хоть когда хлопают.

Оуэн повернул крышку бутылки. Пластик хрустнул.

— Я тогда держал удлинитель, чтобы никто не споткнулся.

Джун раскрыла программку. На последней странице Оуэн нашёл своё имя, обвёл его ногтем и вернул листок. Девочка ещё раз посмотрела в сторону стола. Бен уже держал ключи, но к выходу не пошёл, пока она сама не сложила программку.

Дома Оуэн поставил бутылку на кухонный стол и включил запись с телефона. Сначала тихо говорили люди, потом что-то шоркнуло и раздался глухой удар. За ударом шёл ветер, похожий на кран, открытый в соседней комнате.

— Это дверь? — спросила Джун.

— Должна быть.

— Я думала, кто-то упал.

Оуэн прослушал запись снова. На этот раз Грейс тоже не услышала двери.

— Там ещё ключи были, — сказал Оуэн. — Они теряются, когда играет ветер.

Он потянулся к телефону. Джун накрыла его руку своей.

— Подожди. Можно я буду там, где мы сидели?

Она вышла в прихожую, остановилась у комода и подняла программку до подбородка. Оуэн прибавил громкость.

— Слышно теперь?

— Да. Кто-то упал громче.

Бен поставил на стол миску, которую достал для позднего перекуса, и тихо засмеялся. Оуэн бросил на него взгляд, и Бен убрал миску с середины стола на край.

— Как у вас дверь закрывают? — спросила Джун.

— Там рама. Двери нет.

Она взяла с пола пустую коробку из-под хлопьев, сложила крышку и хлопнула по ней ладонью. Коробка подскочила и стукнулась о стол вторым звуком.

— Два раза, — сказал Оуэн.

Джун принесла с табурета сложенное кухонное полотенце и подложила под коробку. Оуэн положил телефон рядом. Она снова хлопнула. На этот раз звук кончился сразу.

— Ты скажи, когда, — сказала она.

Оуэн коснулся экрана. Джун хлопнула, пока он ещё не успел кивнуть. Она сама подняла ладонь и подождала, пока он начнёт сначала. Грейс закрыла ноутбук. Она успела прочитать на экране Энн «у меня на телефоне обрезалось», но теперь в записи было бы слышно, как она печатает.

Со второй попытки Джун дождалась кивка. Оуэн взял ветер из файла со звуками и поставил после нового удара. Попросил Грейс послушать из прихожей. Она встала там, где до этого стояла Джун. Из кухни донёсся короткий сухой удар, а потом ветер. Между ними поместилась пауза, в которую Грейс успела поднять глаза. Она и в самом деле представила, что в доме сначала закрыли дверь и только потом услышали улицу.

— Дверь, — сказала она.

Оуэн посмотрел на Джун. Та сидела на пятках возле коробки и держала ладонь в воздухе: ей ещё не сказали, что можно опустить. Он выключил звук.

— Эту пошлю Куинну. Старую оставлю, пока не проверим в зале.

Джун сложила полотенце по его прежним сгибам. Потом протянула Оуэну программку.

— Напиши, когда мне хлопать.

— Ты завтра не будешь за столом.

— Я знаю. Я дома буду.

Он взял карандаш и на обороте её программки нарисовал три пустых квадрата. В первом — связку ключей, во втором — косую черту, в третьем — три волнистые линии. Джун добавила возле черты четыре коротких пальца и пятый с другой стороны. Оуэн посмотрел, перевернул карандаш и стёр только черту.

— Вот теперь понятно.

На холодильнике Бен нашёл вторую программку, сложенную вчетверо. Развернул, хотел подвинуть к детям, но Джун накрыла свою обеими ладонями.

— Мне эта.

Бен положил вторую обратно под магнит. Оуэн отправил файл. Пока он ждал, когда исчезнет полоска отправки, Джун попробовала повторить ветер без телефона. Закашлялась, и брат достал из шкафа чистый стакан и налил ей воды.

Дэниел. В четверг вечером.

Дэниел отодвинул лампу Джун вместе с её винтами. В блюдце уже лежали два винта от регистратора. Третий он нашёл на рукаве, когда потянулся за телефоном.

Он обещал Грейс написать, если прибор включится. Загорелась одна лампочка, затем другая. Когда он попробовал запустить его ещё раз, загорелась только первая. Этого хватило бы, чтобы написать: «Питание есть. Сам он не запускается». Он набрал первые два слова и положил телефон рядом с блюдцем.

Крышка уже была снята. Дэниел мог поставить её на место. Вместо этого он отключил регистратор, вынул диск и подключил его к ноутбуку.

Первые изображения открылись без движения. Часть газона, участок тротуара, одна светлая полоса между ними. Он подождал. В кадр вошёл мальчик со шлангом, поставил ногу на шланг и прижал его к земле. Вода пропала. Мальчик приподнял кроссовку. Струя поднялась выше него, он отшатнулся и опять наступил на шланг.

Дэниел узнал Оуэна, когда тот обернулся к дому. Из-под подола его футболки торчала длинная белая этикетка. Оуэн дёргал её на ходу и никак не мог оторвать. Дэниел вспомнил, что его дочь тоже терпеть не могла ярлыки и иногда вырезала их так близко к шву, что потом просила зашить дырку. Теперь, если звонила, она обычно спрашивала, где лежат бумаги от машины.

У края кадра появилась Грейс и показала рукой, как обойти газон. Дэниел вернул запись на несколько секунд назад. Он хотел понять, застанет ли опять начало струи. На второй раз изображение замерло прежде, чем Оуэн поднял ногу. Дэниел записал положение, где оно остановилось. В соседней строке на экране стоял тот же час, хотя Оуэн и Грейс уже ушли, а тень от столба легла поперёк тротуара.

На телефоне всё ещё было «Питание есть». Эту часть он уже мог подтвердить. Он прочёл два слова и стёр их.

На столе лежал отдельный накопитель. Дэниел передвинул к себе тетрадь с работами, записал имя Грейс и поставил рядом две короткие черты. С одной стороны оставил место для даты, с другой — для результата. Потом снова открыл записи и отметил несколько коротких отрезков для пробы. Выбрал отдельный накопитель и нажал «Сохранить». Полоса дошла до края, но открывать файл он пока не стал.

Когда лампа за его локтем качнулась, он придержал её за основание. Лампу он хотел вернуть в пятницу.

Глава 4

Пятница, 8 мая.

В сообщении не было слова «женщина».

Грейс перечитала его, положив телефон на кухонный стол, и заменила «отключить камеры» на «приостановить запись указанных камер». Подумала и убрала «пожалуйста» в начале. В конце оно уже стояло.

«Сегодня с 23:11 до 23:22. Только устройства из нашего списка. Прежние записи не удалять. В 23:22 запись нужно вернуть, даже если от меня не будет сообщения. Подтвердите, пожалуйста, что сможете сделать это сами».

Джун подвинула к телефону бумажную стену.

— Подержи.

Грейс прижала край двумя пальцами. Дом был сделан из коробки от крекеров. Дочь обклеила его серой бумагой, прорезала дверь и теперь пыталась приклеить стену поперёк комнаты. На столе стояла чашка с водой, в которой плавали две высохшие кисточки. Клей оказался под локтем Грейс.

— Может, сюда? — Она показала, где стена не мешала бы двери.

— Там спальня.

— А если спальню немного…

— Мам. Подержи.

Она подержала. У Джун на верхней губе осталась серая полоса от карандаша; девочка прикусывала её, наклоняясь над коробкой. Из-под стола показалась лапа Мота. Он попробовал зацепить обрезок бумаги, не достал и убрал лапу.

В углу экрана возник ответ Ханны: «Буду у вас к половине одиннадцатого. Моей камеры в списке нет?»

Грейс набрала свободной рукой: «Нет. Тебе только Джун. Спасибо».

— Отпусти.

Стена постояла и медленно легла на бок.

Джун посмотрела на неё с таким выражением, будто давно подозревала в стене именно это.

— Надо подождать, пока высохнет, — сказала Грейс.

— Я ждала. Ты отпустила.

Грейс подтянула коробку к себе, но дочь взяла её за другой край.

— Я сама.

— Хорошо.

Телефон завибрировал. Рут прислала один большой палец, затем отдельным сообщением: «Которая у Дэниела сбоку — тоже?»

«Да».

«Она ведь и его дверь видит?»

Грейс открыла составленный Дэниелом список. У дома номер восемнадцать были отмечены передняя камера и боковая. Боковая захватывала дорожку между садами и край двери, в которую он обычно заносил покупки.

«Да. Включить обратно в то же время».

Рут ответила сердечком.

— А зачем им всем выключать? — спросила Джун.

Грейс повернула телефон экраном вниз.

— Сегодня человеку нужно немного побыть без камер.

— У нас?

— На улице.

Джун приложила к коробке линейку, слишком длинную для всей конструкции.

— Так можно не выходить.

— Иногда нужно выйти.

— Тогда пусть выйдет.

Грейс почувствовала желание объяснить всё аккуратнее. У Джун уже был собственный опыт сложного взрослого объяснения: после него обыкновенная вещь становилась запрещённой или требовала разрешения. Дочь подняла глаза.

— Это мне нельзя знать?

— Не мне за него рассказывать. Он сам решит, хорошо?

Джун снова занялась стеной. Грейс не знала, удовлетворил ли её ответ или просто наскучил.

За окном остановился белый фургон. Луис вылез из кабины, снял с пассажирского сиденья папку и прошёл к дому напротив. На передней панели лежала оранжевая рабочая перчатка. Так далеко её цвет можно было различить только потому, что солнце било в стекло.

Грейс видела этот фургон десятки раз до той осени. После — узнавала прежде, чем самого Луиса.

Грейс тогда открыла запись на кухонном столе. В новости о наезде назвали дорогу, по которой она иногда ездила за продуктами. На записи из её архива был тротуар у домов. Белый фургон отъехал от бордюра. Куда он поехал потом, она не видела.

На большом экране она разглядела оранжевую перчатку на передней панели. Луис оставлял её там и раньше, когда заходил вернуть лестницу или забрать деньги. Дом за фургоном Грейс не узнала. У окна темнела какая-то коробка. Она увеличила изображение, и коробка распалась на квадраты. Перчатку всё ещё было видно.

Грейс попробовала вырезать тот отрезок, где машина стояла, а потом тронулась. В начале оставалось несколько секунд пустого тротуара. Она подтянула правый край отрезка. Фургон остановился в кадре, не тронувшись. Грейс немного отодвинула край обратно. Получилось девятнадцать секунд. Справа появилась чёрная полоса. Можно было подобрать другой размер, но фургон помещался целиком, и Грейс оставила как есть.

Она открыла соседскую группу. Здесь обычно спрашивали, чей пакет у двери или кто оставил машину перед чужим гаражом. Достаточно было показать, где стояла машина, и кто-нибудь узнавал её. Грейс положила телефон возле ноутбука. Дороги из новости в кадре не было.

Грейс прикрепила ролик и сперва написала, что видела машину. Слово «видела» ей не понравилось. Сама она у окна не стояла. Она видела только то, что осталось на записи. Пока Грейс подбирала, как это сказать, под текстом снова показался первый кадр. В нём почти ничего не было. Через несколько секунд в кадре появлялся фургон целиком. Кто знал его, легко узнал бы.

Она стёрла первую строку и написала: «Может, кто-нибудь знает, куда он ехал?» Перечитала. На экране был фургон Луиса, но имени она не назвала. Ей казалось, что тот, кто знает ответ, просто его напишет. А остальным она задала всего лишь вопрос. Грейс отправила ролик.

К вечеру он появился в другой группе. В маленьком окне ещё виднелась чёрная полоса, которую она оставила. Её вопроса рядом не было. Грейс запустила видео и сама остановила его, когда фургон оказался виден лучше всего. На неподвижном кадре уже нельзя было понять, стоял он у бордюра или отъезжал. Грейс закрыла видео и вернулась в свою группу.

Там над роликом по-прежнему стояли её слова. Она нажала на три точки, нашла «Удалить» и подтвердила. На месте публикации остались соседние сообщения, прижатые друг к другу, как будто между ними ничего и не было. Грейс снова открыла другую группу. Ролик остался.

Она открыла пустое поле в своём чате. Сначала написала, что не видела, куда поехал Луис. Посмотрела на имя. В первой публикации его не было, а теперь каждый, кто пропустил ролик, прочёл бы его здесь. Она стёрла имя, затем остаток фразы. Написала, что никого не обвиняет и просила только помочь разобраться. Слово «только» она перечитала дважды и оставила. Потом отправила.

Позже, уже после похорон, кто-то написал Луису на рабочую страницу. Ещё двое отменили заказы. Полиция его не обвиняла. В соседских разговорах это звучало так, будто полиция пока не нашла достаточно доказательств. Грейс узнавала в этих разговорах свою формулировку, хотя самого вопроса уже никто не повторял.

Она позвонила Луису. Пока шли гудки, придумала, как сказать ему, что при публикации имела в виду совсем другое. Он взял трубку и сказал, что занят. Грейс ответила, что поняла. Она погасила экран. В стекле отразилась кухонная лампа.

Теперь Луис проверил лист в папке, вернулся к фургону за рулеткой и не посмотрел на её окно.

— У тебя звонит, — сказала Джун.

Элси Уорд.

— Ты прислала мне инструкцию, — произнесла она вместо приветствия.

— Я могу зайти и показать.

— Я знаю, как выключить свою камеру.

Грейс села на край табурета.

— Хорошо. Мне нужно только понять, согласна ли ты.

— А мне нужно понять, для чего.

— Это просьба о приватности. На одиннадцать минут. Я включила твою камеру в список на всякий случай…

— Грейс, я одна в доме. Мужчина у задней двери в прошлый вторник был тоже частным лицом. Он сказал, что пришёл от газовой компании. Газовая компания сказала, что никого не посылала.

— Я помню.

Она сама написала соседям об этом мужчине. Сначала спросила Элси, можно ли выложить снимок. Сделала всё правильно. Элси всё равно пришлось трижды отвечать людям, не забыла ли она назначенную проверку.

— У меня эта штука для определённой цели, — сказала Элси. — Я не хочу сейчас её выключать.

Грейс посмотрела на список. Семь подтверждений. Из списка ещё один владелец не ответил. У Элси тоже пока пустая клетка. Грейс задержала палец на её имени.

— Если я зайду…

Джун подняла голову. На её пальце висела приклеенная полоска бумаги.

Грейс услышала себя.

— Прости. Я поняла. Не выключай.

На другом конце стало тихо. Потом звякнула чашка.

— Ты сердишься?

— Нет.

— Ты произнесла это так, как обычно произносишь «хорошо, я сделаю сама».

Грейс улыбнулась, хотя Элси этого не видела.

— Я не буду делать сама. Оставь как есть. Я отмечу в списке.

— Отметь, что я согласна полить у тебя базилик, когда вы уедете. Чтобы не получилось, будто я вообще не участвую.

— Мы ещё не решили, едем ли куда-нибудь.

— Базилик всё равно надо полить. У него листья висят.

После разговора Грейс подошла к окну. Горшок на крыльце действительно выглядел плохо. Она вынесла чашку с водой для кисточек, вернулась, налила чистой.

Мот выскочил следом. Вместо крыльца выбрал узкую щель между перилами, протиснулся в неё и сошёл прямо на клумбу.

— Не туда, — сказала Грейс.

Он пошёл туда.

На общей полосе за домами гудела газонокосилка. Пахло срезанной травой и нагретой землёй. У забора Чо стояли три мешка с прошлогодними листьями. Грейс поставила чашку у базилика и обошла дом, чтобы проверить садовую калитку. Она закрывалась только после того, как створку чуть приподнимали. Бен обещал посмотреть петлю в субботу. За зиму дерево разбухло, потом усохло; у обещания всякий раз находилась уважительная причина подождать.

Она подняла створку и завела защёлку. С той стороны Мот смотрел сквозь планки.

— До ужина, — сказала ему Грейс.

Телефон снова завибрировал. Восьмое согласие пришло от владельца дома у поворота. Элси оставалась за пределами списка. Восемь владельцев, десять устройств. Грейс пересчитала их ещё раз, затем написала Лии: «Подтверждения собраны. У Элси передняя работает. На наш участок не смотрит».

Ответ пришёл не сразу.

«Не надо её переубеждать».

«Я не стала».

Грейс успела прочитать своё сообщение дважды, прежде чем появилось: «Хорошо».

Она вернулась на кухню с чашкой. Джун укрепила стену катушкой ниток, прижатой с одной стороны, и солонкой — с другой. Крышу положила отдельно.

— Если клей попадёт на соль…

— Не попадёт.

На лестнице загремели шаги Оуэна. Он спустился в чёрной футболке с вытянутым воротом и в наушниках, у которых одно ухо было отогнуто наружу.

— У нас есть изолента?

Грейс открыла ящик возле плиты.

— Папа положил в гараж.

— Почему?

— Потому что это его изолента.

— Тогда зачем она у нас?

Джун засмеялась.

— Куинн поставил нашу дверь? — спросила она.

— Поставил. Сегодня проверим из зала.

— С полотенцем?

— Полотенце дома. Я же звук отправил.

Джун кивнула и провела пальцем по краю коробки, нащупывая место, где застревала бумажная дверь. Оуэн заглянул внутрь.

— У тебя туалет посреди гостиной.

— Это спальня.

— Ещё хуже.

Джун потянулась ударить его линейкой, он отступил с таким преувеличенным страхом, что она засмеялась снова. Грейс подняла телефон. В одном кадре помещались коробка, оба ребёнка и полоса вечернего света на столе. Можно было отправить Бену: всё ещё бывает так.

— Джун, можно сфотографировать дом?

— Сейчас нет.

— Я только папе.

Дочь перестала смеяться.

— Он не готов.

Оуэн посмотрел на мать. Не насмешливо; просто подождал, что она сделает.

Грейс опустила телефон.

— Когда будет готов, скажешь.

— Если буду хотеть.

— Если будешь хотеть.

Оуэн ушёл за изолентой. Джун вытащила из волос тонкую нитку и осторожно убрала катушку. Стена на этот раз устояла. Девочка проверила дверь, потом ещё раз, с другой стороны.

Внизу экрана пришло сообщение Бена: «Заберу Оуэна после разбора. Часов в одиннадцать, они пока не знают точно. Ханна точно сможет?»

«Да».

Грейс уже собиралась добавить, что уйдёт всего на несколько минут, но он это знал. Они оба знали, что на самом деле обсуждали не эти минуты.

«Поговорим завтра», — написал Бен.

Она положила телефон на подоконник, подальше от клея.

Джун подула на стену. Та слегка дрогнула, но не упала.

Рут пришла, когда принтер зажевал пробный лист. На экране всё ещё было написано «Печать».

— Ты постучала?

— Оуэн открыл. Сказал, ты борешься с собственностью.

На столе лежал последний вариант складного листка для местной продовольственной программы. Утром заказчица попросила несколько образцов для волонтёров у магазина. «Несколько» превратилось в сорок. Грейс ответила, что это не проблема.

Рут открыла боковую дверцу. Они вытянули лист вдвоём. На смятом сгибе остались слова «Каждой семье», а уголок оторвался внутри.

Грейс поднесла к щели ножницы. Рут придержала её за запястье.

— Отключи сначала. В школе за это пришлось бы заполнить три формы.

— За ножницы?

— За новый принтер.

Джун посветила телефоном. Грейс подцепила уголок.

— Я занесу эти листы завтра, если успеешь сегодня. Всё равно еду за продуктами.

— Тебе не по пути.

— Я не сказала, что по пути. Я сказала, что занесу.

Рут разгладила пробный лист и протянула его Джун. Девочка перегнула лист и приложила к коробке. Слово «семье» оказалось на скате, яблоки — внутри.

— Не режь пока, — сказала Грейс.

— Она может взять испорченный.

Рут уже проверяла сгиб на первом правильном листе. Они печатали по пять: Грейс считала, Рут складывала. Телефон Грейс лежал возле локтя. Рут ни разу не спросила, кого они ждут. Об окне записи они уже договорились в переписке.

Оуэн вернулся из гаража с изолентой на запястье, как с широкими часами.

— Папа сказал, в половине восьмого выезжаем. Ужин будет?

— Конечно. Сейчас закончу.

— Сколько тебе нужно на сборы?

— Мне не нужны сборы. Мне нужно поесть.

Рут не подняла головы. Взяла следующий лист. Оуэн постоял, затем открыл холодильник и отрезал сыр. Нож стукнул о доску сильнее, чем требовалось.

Грейс знала, что не просила его ждать. Сказать это сейчас означало начать спор, в котором она собиралась выиграть именно этой подробностью.

— Я поставлю макароны, — сказала она.

— Он всё равно уже поест, — заметила Рут. — Поставь воду. Соль я найду.

Она нашла соль, нужную кастрюлю, дуршлаг. Девять лет назад, когда Джун привезли из больницы, Рут тоже не спрашивала, где дуршлаг. Грейс тогда засыпала, не доев, и просыпалась от звука воды на кухне. Позже ей было неловко, что она помнила не лицо Рут у детской кроватки, а пустую раковину. Именно её хотелось вспоминать.

Рут переложила сорок листков в коробку из-под хлопьев. Грейс подписала её адресом магазина и своим телефоном.

— Мне не объясняй, что ещё можно обещать бесплатно, — сказала Рут.

Грейс поставила перед ней чашку.

Рут посмотрела на часы.

— Половину.

Джун вырезала крышу. Ножницы с тупыми концами оставляли по краю короткие зубцы. Она развернула лист, посмотрела, нахмурилась: внутри дома под крышей теперь висела половина яблока.

Джун сняла крышу, положила рядом с домом: сначала нужно было закрыть яблоко.

— Можно заклеить, — сказала Грейс.

— Я знаю.

Рут не предложила ни заклеивать, ни начинать заново. Подержала лист, пока Джун прикладывала линейку, и убрала руку, когда та кивнула. На среднем пальце Рут белел старый тонкий шрам, который Грейс видела столько раз, что никогда о нём не спрашивала.

Из кармана куртки Рут достала пакетик с двумя винтами.

— Это вам для калитки. Не знаю, подойдут ли. У Тессы в том доме целая банка осталась. Люди хранят винты от всего, что уже выбросили.

— Ты ещё туда ездишь?

— Там пока есть что разбирать.

— Бен посмотрит завтра.

— Пусть сначала приподнимет петлю. Одними винтами дерево не исправишь.

Рут оставила пакетик у чашки. Из принтера, про который они забыли, выехал ещё один лист. Оуэн забрал его раньше матери, прочитал заголовок.

— Сорок первый.

— Резервный, — сказала Грейс.

— У тебя всё резервное, кроме ужина.

Рут фыркнула в чашку. Грейс тоже засмеялась, хотя ей не понравилось, что они оба так быстро оказались правы.

Она откинула крышку кастрюли. Пар обжёг пальцы; вода уже поднималась к краю кастрюли. Оуэн убавил огонь, пока она искала прихватку.

Рут допила чай стоя. У двери взяла коробку обеими руками, придерживая снизу.

— Напиши, если у Ханны не получится. Я буду дома.

— Она подтвердила.

— Хорошо.

В прихожей Рут остановилась, чтобы поднять с пола куртку Джун. Повесила на нижний крючок. Дочь иногда говорила, что не может дотянуться до верхнего, и Грейс отвечала, что нужно хотя бы попробовать. Рут ничего не сказала, просто повесила ниже.

Лия. В тот же вечер.

Грант взял коробку за короткую сторону. Крышка поползла вниз, и Лия успела подставить ладонь.

— Плашмя. Там внутри открытка.

Он поставил коробку на кухонный стол и сдвинул её подальше от края. Галстук лежал на спинке стула. На столе ещё лежали нож и катушка. Нитками с неё Лия стянула картон.

— Знаю. Ты закончила?

— Да.

— Положу в машину. Завтра завезу.

В субботу он иногда ездил за кофе на ту же улицу. Если бы он спросил неделю назад, она бы ответила, что это очень кстати. Можно было бы не пересаживаться на второй автобус с коробкой на коленях.

— Оставь здесь, — сказала Лия.

— Тебе же к полудню. Отдам и скажу, чтобы тебя не ждали.

— Меня и так не ждут. Субботу уже отдали.

Грант взял со стула галстук и продел под воротник.

— Ну и хорошо. Значит, зайду на минуту. А если они спросят про понедельник?

— Я сама позвоню в понедельник.

— Ты тогда ещё не будешь знать, как поедешь.

Он смотрел в тёмное стекло микроволновки, выравнивая узел. Лия видела в стекле только его руки. Он мог зайти в мастерскую, положить заказ на стойку и сообщить, что она больше не ездит. Там освободили ей субботу по её просьбе. Снять остальные часы было делом одного движения карандаша.

Она взяла коробку. На крышке лежала карточка со сроком выдачи. Грант придержал её двумя пальцами, чтобы не соскользнула.

— Так куда ты с ней?

Лия собиралась ответить: в прихожую. К утру она собиралась быть в другом месте, а коробку Грант мог бы просто забрать. Вчера, когда она обещала вернуть заказ, она ещё оставляла себе эту поездку.

— Я решу, как её передать.

Он снял пальцы с карточки. Она перевернулась и упала надписью вниз.

— Тогда на меня завтра не рассчитывай, — сказал он.

— Хорошо.

Он взял пиджак и ушёл. Лия осталась у стола, пока его машина не выехала на улицу.

Потом убрала карточку в конверт и посмотрела, войдёт ли коробка в сумку с контейнером Грейс. Вместе с контейнером коробка помещалась только боком. Лия вынула контейнер, положила коробку на дно и поставила его сверху. Крышка контейнера снова отошла. Лия прижала её ладонью и потянула молнию сумки. До конца она не дошла.

Глава 5

Лия принесла контейнер, который стоял у неё с Рождества. Положила на стол крышкой вниз, открыла, показала пустое дно.

— Я вымыла.

— Ты могла не возвращать сегодня.

— Знаю.

Грейс убрала контейнер в шкаф. Потом достала обратно: внутри осталась резиновая лопатка, которую Лия положила отдельно, под бумажное полотенце.

— Это тоже твоё.

На ней были обычные джинсы и рубашка с короткими рукавами. Никакой одежды для побега, подумала Грейс, и сразу рассердилась на себя за это словосочетание. Она не знала, что за одежду ожидала увидеть.

Лия отодвинула стул, но не села.

— Грант уехал на ужин. Потом будет ещё часть мероприятия. Написал, что вернётся к полуночи.

— Если вернётся раньше…

— Я сообщу. Грейс, можно я сама сначала скажу?

— Конечно.

Наверху Джун включила музыку. Три ноты, остановка, те же три ноты. Оуэн что-то сказал; дочь ответила так громко, что Грейс почти разобрала слова.

Лия прислушалась и наконец села.

— Адрес я соседям давать не буду. Даже тебе.

Грейс почувствовала короткий укол, к которому не успела подобрать приличного названия.

— Конечно. Мне и не нужен.

— Он нужен мне, чтобы я знала, кто его знает.

На её пальце был пластырь. Бумажные края, которыми она занималась на работе, резали кожу чаще, чем ножи. Грейс помнила, как Лия однажды полчаса объясняла Джун, почему старую открытку нельзя склеить обычной лентой. Без раздражения, всерьёз, хотя девочка хотела только прикрепить на стену подаренного кролика.

— Дэниел довезёт меня до встречи, — продолжила Лия. — Дальше не поедет. Я с ним говорила.

— А Надя знает?

— Знает то, о чём мы договорились. Она дала мне варианты. Я выбрала.

Грейс кивнула. На прошлой неделе ей хотелось связать всё в один разговор: Лию, консультантку, Дэниела, Ханну. Надя попросила сначала спросить Лию, хочет ли она такого разговора. Не захотела.

Лия поставила на колени холщовую сумку. Грейс до этого не заметила её: та была прижата к ножке стула, сливалась с тенью. Из сумки показался угол плоской коробки.

— Мне нужен чистый стол. На минуту.

Грейс начала собирать бумажные обрезки Джун. Лия придержала чашку, пока она вытирала стол, потом дождалась, чтобы высохло мокрое пятно.

В коробке лежала старая открытка, зажатая между двумя листами жёсткого картона. По одному краю шла белая полоса; в углу темнела въевшаяся капля. Грейс узнала рисунок — дом, похожий на тот, что Джун видела у Лии в мастерской. Но этот был другим: у окна стоял человек.

— Это твоё?

— Её ждут в мастерской завтра утром. Я собиралась отвезти сама. Теперь мне нужно оставить её здесь.

— Я отвезу.

— Дослушай.

Грейс убрала со стола локоть.

Лия положила рядом конверт. На нём был написан только номер заказа.

— Завтра до полудня её можно оставить у стойки. Они поймут. Если не сможешь, я позвоню и договорюсь, чтобы забрали. Не надо говорить, где я.

— Я и не знаю.

— Я знаю, что ты не знаешь.

Лия сказала это устало. Грейс стало стыдно за собственную реплику; в ней слышалась обида человека, которому не доверили адрес, хотя она ещё час назад уверяла себя, что не обижается.

— До полудня, — повторила она. — Хорошо.

Лия осмотрела угол картона, где тот чуть согнулся. Перевернула. На обороте был кусок прозрачной ленты, липкая сторона загнулась наружу.

— У тебя есть бумага без печати?

— Полный лоток.

Грейс принесла два листа. Лия сложила один в несколько раз, сделала узкую полоску и закрыла ею выступивший клей.

— Я могу просто взять другую коробку.

— Это хорошая коробка. Просто её неправильно закрыли.

Грейс придержала противоположный край. Лия чуть подвинула её палец, чтобы тот не касался открытки. Пластырь мешал: отставал у сгиба, цеплялся за бумагу. Лия сняла его, свернула липкой стороной внутрь и положила на край стола.

У неё на пальце был маленький порез, уже почти закрытый.

— Новый дать?

— Потом.

Некоторое время они молчали. Грейс держала картон и смотрела на человека в нарисованном окне. Он казался женщиной, пока она не наклонила голову: тогда стал мужчиной в тёмной рубашке. Хотелось спросить Лию, кто это, но она была занята, а вопрос был не нужен ни для чего, кроме заполнения тишины.

Лия вытащила из конверта бумажную карточку, проверила номер. На верхней строке было её имя. Она взяла ручку Грейс и дописала две короткие строки.

— Нужно объяснять, что ты уезжаешь? — спросила Грейс.

— Я объясняю, как хранить, пока меня не будет.

Грейс кивнула.

— А работу ты…

— Не бросаю.

Лия поставила точку так сильно, что кончик ручки продавил бумагу. С минуту смотрела на это место, потом выровняла карточку поверх конверта.

— Прости, — сказала она. — Ты не это спрашивала.

— Я это спрашивала.

— Тогда не бросаю. В понедельник позвоню. Сегодня я ничего больше про понедельник не решу.

Грейс хотела сказать, что можно пожить у них. Уже предлагала; Лия уже ответила. Сверху донёсся голос Оуэна: он кому-то объяснял по телефону, что провод надо привезти, а не сфотографировать. Грейс удержала предложение при себе.

Лия затянула коробку резинкой и подсунула карточку под неё, номером вверх.

— Коробку поставить в прихожей?

— Только не возле окна. И подальше от кота.

Она сказала «кота» с такой серьёзностью, что Грейс посмотрела под стол.

— Он снаружи.

— Он об этом знает?

Грейс засмеялась. Лия улыбнулась и наконец откинулась на спинку стула.

— Можешь просто завтра отдать? Без сообщения в группу, кто куда едет.

— Конечно. Сама отдам, — сказала Грейс.

Лия вернула ручку.

— Если не получится, позвони мне.

— Да.

На этот раз Грейс не добавила ничего. Вынесла коробку в прихожую, положила на верхнюю полку встроенного шкафа. Отсюда её не было видно с улицы. Пришлось снять детскую панаму, которую никто не носил с сентября; на дне полки лежал сухой лист.

Когда она вернулась, Лия стояла возле мойки и мыла руки. Смотрела, как вода обходит палец, не направляла струю прямо на порез. Грейс положила рядом новый пластырь, не распечатав.

Лия вытерла ладони полотенцем.

— Спасибо.

Она заклеила палец и отодвинула стул туда, где он стоял до её прихода. Грейс показалось, что сейчас она уйдёт. Но Лия снова села, взяла чашку обеими руками. Они ещё не договорили о машинах и камерах.

— Про камеры, — сказала Грейс. — Я объяснила, что прежние записи нельзя трогать. И что никто не должен присылать подтверждения в общий чат.

— Ты сказала им зачем?

— Что человеку нужна приватность.

Лия разгладила край пластыря.

— Кто-нибудь догадается.

— Возможно.

— Я не хочу потом смотреть клип про то, как меня спасали. Даже хороший.

— Никакого клипа.

Грейс сказала это слишком быстро. Лия посмотрела на неё, и она поправилась:

— Я не буду ничего снимать. И никому не давала разрешения.

— Ладно. Только у машины тоже не снимай. Хорошо?

— Как тогда с зубным? — спросила Грейс.

Под тем роликом стояло: «Не волнуйся, с ней всё нормально». Соседи прислали его Гранту, когда Лия села в чужую машину. Грейс тогда даже сказала, что хорошо, что рядом есть люди, которые замечают.

— Был ещё один, — сказала Лия. — Я ехала на собеседование в маленькую мастерскую. Гранту я про собеседование не говорила.

Грейс придержала рукой чашку. Лия смотрела на край стола.

— Я ещё пальто не сняла, а он уже держал телефон так, чтобы я увидела. Спросил, почему я его не попросила отвезти. Я сказала: «Я уже договорилась».

— И всё?

Лия подняла на неё глаза.

— А что ещё мне нужно было сказать?

Грейс отпустила чашку. Под ней остался влажный круг.

— После зубного я ведь тоже спросила, с кем ты ездила.

Лия кивнула.

Грейс уже собиралась спросить, взяли ли её в ту мастерскую. Лия протянула руку к листу с планом.

— Когда я выйду, не маши мне. Я знаю, где ты будешь. Если мне что-то понадобится, я сама подойду.

— Если кто-нибудь не выключит… — начала она.

— Я всё равно уйду.

Лия произнесла это без нажима, как сообщила бы, что контейнер вымыт.

— Я хочу меньше чужих глаз, — добавила она. — Но не собираюсь жить здесь до тех пор, пока вы все договоритесь.

Грейс посмотрела на свои записи. У времени 23:11 было нарисовано два прямоугольника: начало дорожки, машина. Лия сама выбрала одиннадцать минут, когда Грейс спросила, сколько оставить на выход и посадку. Сначала предложила десять, потом добавила ещё одну. Грейс показалось неправильным спорить из-за минуты. Теперь неровность этого числа успокаивала её больше, чем круглая четверть часа: похоже на что-то действительно рассчитанное.

— Я приду в 23:07, — сказала она. — Буду ждать у нашей калитки. Если решишь иначе, напишешь или просто не выходи. Я сама к тебе стучать не буду.

— Хорошо.

В боковую дверь постучали. Дэниел стоял на ступеньке с маленьким пакетом и красной сумкой через плечо. За его спиной снова стояла Рут. Она придерживала ногой сетку, чтобы та не закрылась.

Грейс сперва посмотрела на Лию. Та кивнула, и только тогда она открыла дверь шире.

— Принёс преступное электричество, — сказал Дэниел.

Он вытащил из пакета лампу Джун. У основания остался старый след от наклейки в форме звезды.

— Работает?

— Теперь да. Но не надо снова тянуть за провод. У лампы есть вилка. Это её часть, за которую можно браться.

— Я передам дословно.

Он поставил красную сумку на стул. На одном боку была прямоугольная серая заплата; край оттопыривался, из-под него торчала нитка. Джун узнала бы сумку издали: прошлой зимой Дэниел принёс в ней инструменты и разрешил ей придерживать лампу, пока менял выключатель.

Рут прошла к мойке, взяла лежавшее у края полотенце и сложила его пополам. Дэниел достал из сумки зарядный провод.

— Твой старый ящик пока у меня. Часть поднялась. С ним медленно.

— Там вообще что-нибудь есть?

— Есть Оуэн со шлангом. И ты очень убедительно показываешь мне через камеру, как обходить газон.

Она помнила тот день. Бену велели не поливать новую траву, пока не схватится подкормка, а Оуэн решил, что это относится только к взрослым.

— Это ещё до того, как его закоротило?

— Да. Я даты проверяю. Не хочу сказать, что у тебя вторник, если у коробки был вечный четверг.

— Если найдёшь что-нибудь семейное, пришли.

— Я сначала делаю короткую пробу на отдельный накопитель. Чтобы не раздавать тебе битые файлы.

Лия повернула чашку ручкой к себе. Дэниел замолчал, посмотрел на неё.

— Машина готова. Больше тебе сейчас ничего от меня не нужно?

— Не спрашивать, точно ли я решила, — сказала Лия.

— Это я могу.

Рут опёрлась ладонями о спинку стула.

— У тебя будет где постирать? Я могу собрать ещё полотенца. В первое время забываешь самые обыкновенные вещи.

— Полотенца есть, спасибо.

— И если понадобится забрать что-нибудь потом…

— Я попрошу, если понадобится.

Рут убрала руки со стула.

— Конечно.

В её голосе ничего не изменилось, но Грейс вдруг захотела сказать за Лию что-нибудь благодарное. Перечислить, сколько Рут уже сделала и что её забота не отвергнута целиком. Она промолчала.

Дэниел снова поднял сумку.

— Рут, ты моё сообщение видела?

— Видела. Посмотрю потом на большом экране, ладно? В телефоне всё слишком мелко.

— Завтра тогда. Я ещё время сверю.

Рут кивнула.

— Сегодня у нас и так дел хватает.

У неё на запястье звякнули ключи. Один она удержала большим пальцем, пока остальные соскользнули в ладонь.

— Твой тоже принести? — спросила она Дэниела. — Я вчера не успела. Он с биркой от того брелока.

— Оставь пока. Если снова забуду свой, хоть не буду сидеть на ступеньке.

Грейс помнила ту субботу. Она застала Дэниела на ступеньке у боковой двери. Рядом на разложенной газете лежала отвёртка. Два винта он подсунул под край бумаги, чтобы не скатились. Рукав рубашки был в пыли.

— Позвать кого-нибудь? — спросила Грейс.

— Сам уже попробовал, — сказал он. — Зря.

Он подобрал винты и пересыпал их в карман. Пока Грейс набирала номер слесаря, Дэниел стоял возле неё и подсказывал, что сказать. Сперва хотел, чтобы она назвала марку замка. Потом наклонился к телефону и сам сказал, что уже кое-что снял с замка. На том конце попросили пока больше ничего не трогать.

— Это я могу, — сказал он.

Грейс договорилась, что им перезвонят, и положила телефон на ступеньку. Дэниел смотрел на отвёртку. Рут вышла из своего дома с двумя кружками. Одну протянула ему.

— Если пить будешь здесь, придерживай снизу. У неё ручка шатается.

Дэниел взял кружку обеими руками. Рут поставила свою на газету, чтобы та не сворачивалась, и спросила Грейс, надолго ли слесарь. Грейс не знала. У Рут дома было тесто. Она хотела вернуться как раз к тому времени, когда его можно будет раскатывать. Она сказала, что сходит проверить и принесёт ещё кофе, если первый кончится. Дэниел отпил. Кофе в кружке почти не убавилось.

— Хоть бы и весь выпил, — сказала Рут. — Тебе теперь деваться некуда.

Он посмотрел на дверь и рассмеялся. Грейс услышала, как завибрировал телефон о ступеньку. Слесарь мог приехать в ближайшие полчаса. Спросил, что успели разобрать. На этот раз Грейс отдала телефон Дэниелу. Он рассказал всё по порядку, включая то, что сначала пытался открыть дверь сам и только потом пошёл за отвёрткой. Пока он говорил, Рут взяла у него кружку. Ручку придержала пальцем, хотя сама только что сказала ему не браться за неё.

Когда слесарь закончил, он выписал счёт и показал Дэниелу две строки. Вторая была за то, что понадобилось менять после его попытки открыть замок. Дэниел сложил лист, ничего

не сказав. Внёс отвёртку, вернулся за газетой. Рут вернулась и взяла обе кружки. Грейс стояла у ступеньки и пересылала Дэниелу номер слесаря.

Дэниел вышел с ключом в руке.

— Ты бы взяла? — спросил он Рут.

Она посмотрела на маленький ключ. На кольце болталась бумажная бирка.

— До вечера?

— На случай, если я опять захлопну дверь. Чтобы было кому позвонить.

— Тогда звони. Я на кухне стука не услышу.

Рут поставила обе кружки на ступеньку, взяла ключ и надела его на свою связку. Бумажная бирка попала между витками кольца. Она хотела её снять, но Дэниел попросил оставить: так было видно, который его. Дэниел подал Рут кружки по одной, вложив пустую в её ладонь первой.

— И кружку потом отдай, — сказала она тогда Дэниелу.

Он посмотрел на свои пустые руки. Рут подняла кружки, показывая, что уже забрала обе. Она пошла домой первой. Дэниел дождался, пока Грейс поднимет со ступеньки телефон, потом унёс газету. На ней осталось тёмное круглое пятно, и он подставил ладонь под мокрую бумагу, чтобы она не разошлась по сгибу.

Джун спустилась за лампой. Увидев Лию, приостановилась на последней ступеньке, словно встретила учительницу в магазине.

— Это уже можно включать?

— Можно, — сказал Дэниел. — За провод не тянуть.

— Я только один раз.

— Одного раза этой лампе хватило.

Рут помогла освободить провод из-под пакета. Лия подвинула свою чашку, чтобы девочка могла поставить лампу на стол. Джун потрогала выключатель, но света не было: вилка лежала рядом.

— Ей нужно электричество, — сказала Лия.

— Я знаю.

— Я тоже иногда сначала нажимаю.

Джун улыбнулась ей и понесла лампу наверх, осторожно, обеими руками. Дэниел придержал провод, чтобы он не волочился по ступенькам.

Через несколько минут Рут ушла к себе. Грейс придержала сетку и увидела, как Дэниел внёс сумку в дом через боковую дверь. Лия задержалась у шкафа, где Грейс убрала контейнер.

— Я не хотела быть резкой.

— Ты не была.

— Я была. Про полотенца.

Снаружи проехала машина. Лия не подошла к окну, но Грейс заметила, что она прислушалась, как звук замедлился и пошёл дальше.

— Мне кажется, если я соглашусь на всё маленькое, потом не получится отказаться от большого, — сказала Лия.

Грейс не нашла ответа, который не был бы ещё одним советом.

— Контейнер твой я всё-таки вернула, — добавила Лия.

Они обе засмеялись; коротко, тише, чем смеялись бы в другой вечер.

Лия ушла через боковую дверь. Грейс проводила её взглядом до своего забора, затем вернулась к столу и собрала оставшиеся чашки. Та, из которой Лия так и не выпила, была холодной.

В шкафу чистая крышка не подходила к контейнеру. Нужно было повернуть её другой стороной. Грейс попробовала, не получилось. Она поставила оба предмета рядом и закрыла дверцу.

Бен разогрел соус, пока Грейс разделяла слипшиеся макароны. Джун принесла четыре тарелки, по две за раз. Грейс уже подняла руку, но дочь поставила обе целыми и пошла за вилками.

Оуэн спустился, держа изоленту и телефон в одной руке. Изоленту положил возле своей тарелки, телефон убрал в карман. Под мышкой у него торчала свёрнутая бумага.

— На стол это не надо, — сказала Грейс.

Он посмотрел на бумагу, потом на тарелку.

— Это для папы.

Бен освободил край стола. Оуэн развернул схему с прямоугольниками, соединёнными стрелками. В одном месте поверх старой линии была приклеена тонкая белая полоска, и по ней проведена новая.

— Вот это вечером надо будет забрать. Не пульт, пульт Куинн возьмёт. Стойку.

— В машину войдёт?

— Если ноги снять.

— Инструмент есть?

Оуэн кивнул, потом покачал головой.

— У них один. Он опять куда-нибудь денется.

Бен открыл ящик в кухонном столе. Не тот, в котором Грейс хранила приборы; узкий, со старыми батарейками и резинками. Вынул короткий шестигранник.

— Этот попробуйте. Только верни.

— Я возвращаю.

— Я про школу. Они возвращают не всегда.

Оуэн взял ключ и провёл пальцем по сгибу схемы. Джун стояла рядом с вилками, дожидаясь, пока брат уберёт локоть с её места.

— Я вчера видела, что у вас там красное, — сказала она.

— Где красное?

— Под столом. Всё красное было. На полу тоже.

— Это свет снизу. Чтобы ходить.

— Я думала, пожар.

Оуэн поднял глаза.

— Ты правда думала, что пожар?

— Сначала.

— И не сказала?

Она посмотрела на мать. Грейс помнила только, как дочь попросила подвинуться, чтобы было лучше видно. Они сидели далеко от края сцены, в ряду, где Бену приходилось отводить колени, пропуская каждого опоздавшего.

— Она мне ничего не говорила, — сказала Грейс.

— Я поняла потом, — ответила Джун. — Там все спокойно ходили.

— Это рабочий свет, — объяснил Бен. — Его из зала не должно быть видно.

— Видно, если ты маленький.

Оуэн взял у неё вилку и протянул вторую отцу. Схему свернул не по прежнему сгибу: белая заплата упиралась в бумагу, не давала сложить ровно. Он оставил её трубкой возле стула.

Грейс разложила макароны. Джун попросила без соуса, когда половник уже оказался над её тарелкой. Бен подставил свою, принял порцию. Грейс зачерпнула для дочери отдельно.

Грейс услышала за окном автомобильную дверцу и вспомнила, что у Лии была рубашка с короткими рукавами. Потянулась к телефону, но Джун уронила вилку. Грейс достала новую.

— Тебя можно в десять забрать? — спросила Грейс у сына.

— Нельзя.

— У них так долго всё будет?

— Мам, мы ещё не начали разбирать.

— Я понимаю. Просто, если вас много…

Оуэн положил вилку на край тарелки. Посмотрел на отца.

— Я напишу, — сказал он ему.

Бен кивнул, не выпуская изо рта длинную макаронину. Втянул, дожевал.

— Я буду недалеко.

Грейс разрезала лежавшую у неё макаронину пополам. Она хотела знать, когда дом снова соберётся целиком.

— После разбора ещё надо проверить, всё ли на месте, — сказал Оуэн. — В прошлый раз закрыли шкаф, а провод остался в декорации. Потом думали, кто украл.

— Нашли? — спросила Джун.

— Нашли. Провод нельзя украсть, если он всё ещё воткнут.

— Можно вместе с домом.

Оуэн усмехнулся.

— Ну, если дом украсть, тогда да.

Джун стала наматывать макароны на вилку. Получился слишком большой комок. Она сняла половину пальцами, оглянулась на мать и вытерла руку о салфетку раньше, чем Грейс успела что-нибудь сказать.

Бен отрезал хлеб. Последний кусок был с горбушкой. Он разрезал его вдоль и положил одну половину Грейс. У неё заболело в челюсти от того, как сильно она сжала зубы. Обычный хлеб, который он делил с ней много лет, раздражал больше любого отдельного решения. Когда Бен заговорил о другом жилье, она несколько дней ждала, что он перестанет делать такие вещи. Он продолжал.

— Спасибо, — сказала она.

— Там ещё есть.

Он показал ножом на пакет. Не понял, за что она благодарила, и она не объяснила.

Оуэн встал первым. Тарелку поставил в мойку, ополоснул и пошёл за рюкзаком. Бен посмотрел на часы, доел стоя. Изолента осталась возле тарелки.

Грейс взяла рулон и вышла в прихожую. Сын застёгивал боковой карман рюкзака. Увидев, что она принесла, протянул руку.

— А ключ?

— В кармане.

Она обняла его свободной рукой за плечи. Рюкзак мешал, между ними оказался жёсткий выступ застёжки. Оуэн чуть повернулся, позволив поцеловать себя в висок, и сразу нагнулся за кроссовком.

— Надень нормально, — сказал Бен. — У тебя пятка внутри сложилась.

— Я знаю.

— Значит, поправь.

Оуэн расправил задник пальцем. Бен открыл дверь. Джун крикнула им из кухни, чтобы Оуэн не забыл принести что-нибудь от декорации.

— Не мусор, — добавила Грейс.

— Что останется, — сказал сын.

После их отъезда она убрала четыре тарелки, не складывая одну в другую. Так соус попадал на чистую нижнюю сторону, потом приходилось отмывать всё целиком. Джун сидела на табурете и обкусывала горбушку. Мот вернулся, понюхал край её тарелки, отвернулся. Грейс вынесла ему корм.

На дорожке возле гаража лежал короткий шестигранник.

Она подняла его и вернулась к машине, но Бен уже свернул за угол. Написала Оуэну. Через несколько секунд он ответил: «Другой взял. Этот маленький». Грейс убрала найденный ключ в ящик, где он обычно лежал, и пошла закрывать окно возле плиты.

Лия. Чуть раньше.

В пятницу днём Мара позвонила, когда Лия пришивала пуговицу к рабочей рубашке. Нитка была чуть светлее остальных. Подходящая лежала в ящике, который она уже освободила.

— Я могу быть там пораньше, — сказала Мара. — Напишу, где встала. Ты с какой стороны подъедешь?

Лия положила иглу на блюдце. Они говорили и вчера. Мара объяснила, как попасть к ней в квартиру и где можно будет спать. О месте встречи Лия тогда спросила только, далеко ли от квартала. Ей хотелось знать, сколько времени она проведёт в машине Дэниела.

— Я не увижу сообщение. Я собираюсь выключить связь, ещё когда буду дома.

— А у водителя телефон будет включён?

— Да. Но он довезёт меня до встречи, и всё.

Мара помолчала. Лия услышала, как у неё что-то звякнуло.

— Секунду, кофе наливаю.

Лия снова взяла иглу и натянула нитку. Если завязать узел ближе к ткани, пуговица не будет болтаться. Она всегда делала на ножке пару лишних витков. Иногда потом сама же не могла застегнуть.

— Там два въезда, — сказала Мара. — Встану у того, где фонари. Я тебе напишу сейчас. Подойдёт?

Лия открыла разговор с Дэниелом. Они уже договорились, что он остановится там, где ему скажет она. Она представила, как обе машины оказываются на стоянке. Кто-нибудь ждёт за рулём. Дэниел спрашивает, та ли это. Она смотрит через два стекла и не знает, что ответить.

— А можешь машину снять? Спереди, чтобы я узнала. Если машина будет пустая, подожду у Дэниела.

— Я сейчас спущусь. У меня на стекле круглая наклейка, её видно.

— Хорошо.

— А если ты задержишься?

Лия перевела взгляд на часы. Ей хотелось назвать минуту. Мара могла сказать, что тогда подождёт ещё пять. Лия поймала себя на том, что уже складывает эти пять минут с одиннадцатью, хотя к камерам они отношения не имели.

— Я не знаю, насколько. Могу задержаться с сумкой.

— Когда выеду, напишу. Буду ждать там.

Лия ещё раз посмотрела на часы. Минуту она так и не назвала.

Мара вышла из квартиры, не отключаясь. В лифте голос пропал. Когда она снова заговорила, в трубке зашумела улица. Пришла фотография. Машина стояла носом к невысокому бордюру. На стекле справа белел круг. Внизу в кадр попал носок кроссовки Мары.

— Вижу, — сказала Лия. — Спасибо.

После звонка Лия сохранила снимок в телефоне и открыла его из галереи. Круг был на месте. Она написала Дэниелу, у какого въезда остановиться. Названия улицы, где жила Мара, в сообщении не было.

Пуговица стояла чуть выше остальных. Лия застегнула её, потом расстегнула, обрезала нитку и положила рубашку в сумку.

У Дэниела в багажнике стояла коробка с книгами. Он переставил её на землю.

— Дай попробую, — сказала Лия.

Она сунула пальцы под коробку и подняла. До края багажника не хватило ладони. Дэниел взялся за дальний угол; вдвоём они поставили коробку внутрь. Ему пришлось встать вплотную. Лию прижало бедром к бамперу. Чтобы отойти, пришлось попросить его подвинуться.

— Мою сумку так же придётся, — сказала она. — Или я пойду за вещами два раза.

Дэниел вытащил коробку обратно и расправил на дне старый плед. Вытянул край поверх порога, чтобы картон не зацепился за замок.

— Попробуй сперва положить сюда.

На этот раз Лия наклонила коробку к себе и завела один угол на край. Плед поехал вместе с картоном. Она придержала его локтем, перевалила коробку набок и вдвинула. Дэниел отступил к заднему колесу.

Дэниел вынул коробку и задвинул плед поглубже.

— Когда за тобой приеду, так же постелить?

— Да. И отойди, как сейчас. Если понадобится помощь, я скажу.

Дома она вынула из сумки чугунный пресс. Утром ей казалось, что если он влезает между свитером и стенкой, то его можно взять. В мастерской пресс был общий; этот она купила, чтобы брать свои заказы на дом. Следом вынула две тонкие доски. Они почти ничего не весили, но теперь и брать их было незачем.

Пресс она поставила на стол. Даже без него сумка оттягивала руку. Лия донесла её до двери спальни, развернулась и поставила обратно у кровати. Второй раз за вещами она сюда не пойдёт.

Глава 6

Бен вернулся один. Грейс услышала, как машина въехала на дорожку, потом долго не слышала двери. Выглянула: он сидел за рулём, держа перед собой телефон. Не разговаривал. Она уже собралась отойти от окна, когда он поднял голову и увидел её.

Через минуту вошёл с плоским конвертом.

— Можно куда-нибудь положить, чтобы не намочили?

Грейс сняла со стола чашку с кисточками. На дне застыли белые разводы, вода едва прикрывала щетину.

Он не положил конверт на освободившееся место.

— Наверх, наверное.

— Что там?

— Я распечатал. То, что ты просила.

Грейс посмотрела на конверт. Из открытого края выступал лист с серыми полосами таблицы. Теперь она вспомнила просьбу. В среду, когда Бен показал ей цифры на телефоне, она сказала, что с экрана не понимает. Пусть даст бумагу.

На лестнице топнула Джун. Потом ещё раз, словно испытывала ступеньку.

— Я только лампу переставляю! — крикнула она прежде, чем её спросили.

Бен поднял конверт и пошёл наверх. Грейс выключила свет над плитой, оставив кухню освещённой настольной лампой, и последовала за ним.

Бен сдвинул полотенца с кровати и развернул таблицу. Слева шли знакомые суммы за дом. Справа от руки была приписана стоимость другого жилья.

— Это за какую квартиру?

— Ни за какую конкретную. Смотрел, сколько стоят поблизости. Страховку надо проверить.

Грейс искала ошибку, из-за которой можно было бы отложить весь разговор. Нашла только школьное питание Оуэна. Бен записал новую сумму.

Из детской донёсся скрежет стула.

— Джун, подними, не тащи, — позвала Грейс.

Потом что-то коротко стукнуло. Бен сказал, чтобы она подождала.

Грейс вышла. Джун стояла посреди комнаты, держа настольную лампу за основание. На стуле лежала книга, из-за которой она и не могла поставить лампу. На полу был разложен длинный ряд карандашей.

— Мне розовый нужен. Он укатился.

Грейс опустилась на колени. Карандаш оказался у ножки кровати; подержала на ладони, проверяя, не сломан ли кончик. Дочь взяла его, поставила лампу и включила. Свет упал на раскрытую книгу.

— Ты её не к кровати ставь. Ночью заденешь.

— Она мне нужна к кровати.

— Тогда провод с другой стороны.

Грейс протянула шнур, убрала петлю из прохода. Наконец поднялась. На колене осталось круглое красное пятно от карандашного колпачка.

Бен ждал. Лист лежал между полотенцами. Грейс снова посмотрела на цены.

— А когда им скажем?

— Когда сами решим, что говорить.

— Оуэну надо закончить учебный год.

— Я не собираюсь менять ему школу. Поэтому ищу близко.

Бен сложил лист и убрал в конверт.

— Завтра сядем?

Грейс кивнула. Он хотел подложить конверт под старую фотографию Оуэна в картонной короне, но она показала на тумбочку.

— Здесь увижу.

Снизу позвонили. Ханна пришла чуть раньше, чем Грейс успела вынести чистый стакан и убрать из гостиной рюкзак Джун. Бен встал первым, пошёл открывать. Грейс осталась на минуту: взяла одно полотенце, потом другое, отнесла в шкаф.

Когда она спустилась, Ханна сидела у Джун на диване. Дочь объясняла ей, с какого места нужно смотреть фильм. Бен стоял у комода в прихожей, держа в руке куртку.

Бен искал ключи от машины в кармане куртки, которую снял ещё утром. Грейс видела их на комоде, под школьной программкой, но несколько секунд не говорила. Он ощупал один карман, другой, заглянул в карман на груди.

— Под программкой, — сказала она.

Он поднял листок.

— Спасибо.

Программка была сложена вчетверо. Оуэн отметил своё имя на последней странице и написал над ним «невидимый состав». Грейс развернула лист, разгладила. За окном было уже темно; на стекле отразилась лампа в прихожей, одна из давно обещанных ими покупок, которую они всё-таки совершили.

— Ты оставил ему воду?

— У него есть вода.

— Там после сцены обычно всё закрывают.

— Грейс, я отвёз ему бутылку и бутерброды в половине девятого.

— Я не знала.

— Я написал.

Она взяла телефон. Сообщение действительно было. Она прочитала его только сейчас.

Бен надел куртку, хотя ночь была тёплой. Он всегда убирал в её карманы всё, что могло понадобиться детям: салфетки, резинку для волос, ручку, которую Джун однажды попросила в машине и с тех пор не просила. Осенью Грейс нашла там маленькую упаковку крекеров с истёкшим сроком и предложила выбросить. Он ответил, что забудет положить новую.

— Они закончат к одиннадцати? — спросила она.

— Представление закончилось. Сейчас упаковывают. Он просил не приезжать прямо к двери.

— Почему?

Бен посмотрел на неё.

— Потому что ему тринадцать.

На диване Джун возилась под одеялом, стараясь достать носком ноги пульт. Грейс забрала пульт раньше, чем тот упал на пол, и положила рядом с её рукой.

— Не спать, пока не вернётся Оуэн, было твоей идеей? — спросил Бен у дочери.

— Мы будем смотреть только начало.

— Начало чего?

— Ханна знает.

Ханна подняла глаза от двух застёжек своего браслета. Сняла его и убрала в сумку.

— Я знаю название. Не уверена, что знаю, почему люди смотрят это добровольно.

— Потому что там собака разговаривает.

— У меня соседи разговаривают. Я прихожу сюда отдыхать.

Джун высунулась из-под одеяла и потянулась к программке, которую Грейс всё ещё держала в руке.

— Дай. Я покажу.

Мать подала ей листок.

— У тебя минута, — сказал Бен. — Мне ехать за братом.

— Там не минута. Там три раза надо.

Она развернула последнюю страницу и провела пальцем по пустому месту под перечнем участников.

— Я на другой себя написала, — сказала она. — Утром. А эта пустая.

— Я тоже помогала, — сказала она Ханне. — Он мне давал стучать.

— Очень ответственная часть, — ответила та.

— Не просто стучать. Когда надо.

Грейс помнила рисунки на другой программке. Связка, ладонь, ветер. Пока Оуэн рисовал, ей казалось, что он просто занял сестру, чтобы спокойно отправить файл. Теперь Джун положила программку на колени и отметила пальцем три места, где должны были быть квадраты.

Джун попросила у отца ключи.

— Зачем?

— Там дверь открывается.

Бен сел на подлокотник, удерживая ключи за кольцо.

— Мои останутся у меня. Можно понарошку.

— Так не слышно будет.

Ханна вынула из своей сумки маленькую связку и положила на столик.

— Эти никуда сегодня не едут.

Джун взяла её двумя пальцами и осторожно покачала. Один ключ зазвенел о другой. Девочка кивнула себе, как Оуэн, когда разъём наконец вставал на место.

— Ты будешь говорить, — сказала она отцу.

— Что?

— Что приехал.

— Я приехал.

— Не сейчас!

Бен замолчал. Грейс села на край журнального столика, подвинув пульт. Дочь повернулась к ней.

— А ты не дома.

— Где я?

— На почте. Тебе надо идти.

Грейс поднялась и прошла до двери. Джун следила за ней, держа ключи на весу. Когда мать остановилась, девочка громко звякнула связкой.

— Я приехал, — сказал Бен.

— Нет. Я ещё не закрыла.

— Я подожду на крыльце.

Джун посмотрела на него, не понимая, разрешено ли так менять. Потом захлопнула воображаемую дверь ладонью о подлокотник.

— Теперь.

— Я приехал, — повторил Бен.

— Тебя никто не слышит, — сказала она с явным удовольствием. — Все ушли.

Ханна отвернулась к спинке дивана. Плечи у неё задрожали. Бен посмотрел на Грейс.

— Отлично съездил.

Грейс рассмеялась. Джун улыбнулась, но сразу запретила смеяться: это мешало последнему звуку. Она положила ключи, сложила ладони лодочкой перед ртом и выдохнула протяжное «ууу». Получилось не страшно, а мокро. Девочка провела рукавом по губам.

— Ветер. Оуэн потом сделал ниже.

— Теперь понятно, почему ему понадобилась целая неделя, — сказал Бен.

Бен встал с подлокотника и протянул руку за программкой. Девочка отдала ему листок. Грейс всё ещё стояла у двери, куда её отправили на почту.

— И что мне теперь? Возвращаться?

Джун задумалась.

— Тебе уже можно.

Мать вернулась на своё место. Девочка укрылась и протянула Ханне ключи. Та не взяла их сразу.

— Их лучше в сумку. Там молния.

Джун наклонилась, нашла открытый карман, убрала связку и застегнула. Потом ещё раз повернула сумку так, чтобы та не упала со стула. Джун укуталась одеялом.

— Скажешь ему, что я показывала? — спросила она Бена.

— Скажу.

— Только не что смешно. Что по порядку.

Он кивнул, сложил программку и убрал в карман.

Джун засмеялась, а Ханна убрала с дивана подушку и села рядом. В джинсах она выглядела моложе, чем в рабочей одежде, хотя Грейс не смогла бы объяснить почему. Наверное, потому, что на джинсах не было кармана с чужим именем и должностью.

— У вас всё? — спросила Ханна. — Потому что у меня уже идёт неоплачиваемая часть смены.

— У меня телефон с собой, — сказала Грейс. — Я уйду в 23:07. В 23:22 камеры должны снова включиться, потом я сразу домой. Если задержусь, позвоню.

— Я остаюсь, пока ты не вернёшься. Это я поняла.

— Я просто…

— А я просто уточняю.

Ханна улыбнулась и похлопала по дивану. Джун сунула под одеяло свободную подушку, оставив той угол, будто ещё одного зрителя.

Бен задержался у двери. Грейс пошла за ним, прикрыв дверь в гостиную до половины.

— Я не хочу, чтобы завтрашний разговор опять исчез, — сказал он.

— Не исчезнет.

Они собирались обсудить, кто где будет жить после конца учебного года. Впервые Бен произнёс это в марте, у мойки, пока вода смывала с тарелки остатки томатного соуса. Грейс тогда попросила его сначала выключить кран. Ей до сих пор казалось, что именно поэтому разговор пошёл плохо: он услышал требование заняться тарелкой.

— Сегодня я не могла сказать Лии, чтобы она подождала, — сказала она.

— Я не просил.

— Знаю.

Она знала, но подготовленный ответ уже прозвучал.

Бен просунул руку в карман, достал резинку для волос и оставил на комоде.

— Скажешь Ханне, если понадоблюсь. У меня звук включён.

— Спасибо.

Он коснулся её плеча, привычно и неловко одновременно. В гостиной собака сказала человеческим голосом что-то возмущённое. Джун захохотала одна, а потом и Ханна, чуть позже, как человек, который наконец понял, за чем следить.

Грейс открыла дверь, выпустила Бена на крыльцо. Перед отъездом он проверил, не стоит ли за машиной велосипед. Никакого велосипеда там не было с тех пор, как Оуэн начал запирать свой в гараже.

У дома Элси горел свет. Виднелся круглый абажур за занавеской и край растения на подоконнике. Её камера оставалась направлена на переднюю дорожку. Грейс отметила это без прежней досады.

Телефон показал 22:49.

Лия не писала. Грейс не стала проверять, нужно ли ей что-нибудь ещё. Открыла общий соседский чат, убедилась, что разговор шёл о завтрашнем вывозе веток, и закрыла. На просьбы, разосланные отдельно, больше никто не отвечал.

На кухне Бен оставил тарелку с четвертью сэндвича. Грейс накрыла её другой тарелкой и убрала в холодильник. Потом достала обратно. Через минуту снова убрала: может быть, Оуэн захочет, когда вернётся.

Возле мойки лежали винты Рут. Она перенесла их в ящик. На пластиковом пакетике остался след от клея с детского стола.

Джун вошла на кухню, волоча одеяло за спиной.

— Мот здесь был?

— После ужина я его видела.

Дочь заглянула под стол, затем за стул, хотя там коту было бы тесно.

— Он не смотрит телевизор.

— Наверное, вкус у него лучше нашего.

— Ты же не смотрела.

Грейс открыла дверь в прачечную. Пустая корзина, спортивная сумка Бена, носок, который никому не принадлежал с достаточной уверенностью, чтобы убрать его в шкаф. Она позвала кота. Ничего.

— Наверное, в саду. Вернётся.

— Ему нужно открыть.

— Когда придёт, откроем.

— А если мы не услышим?

— Джун.

Дочь обернулась. В этом тоне она уже услышала окончание разговора.

Грейс присела, убрала край одеяла с её пятки.

— За ним сейчас никто не идёт. Если он придёт к двери, Ханна его впустит. Договорились?

— Договорились.

— Скажи это Ханне тоже.

Они вместе вернулись в гостиную. Ханна отвела ногу, чтобы Джун пролезла между диваном и столиком.

— Я слышала, — сказала она. — Кот приходит сам. Мы его впускаем. Мне это нравится больше, чем выходить за котом.

Джун подняла глаза на часы, потом на мать.

— А ты куда?

— Помочь Лии отнести вещи к машине.

— Она переезжает?

Грейс не сразу ответила.

— Сегодня она будет ночевать в другом месте.

Девочка теребила угол одеяла.

— И завтра?

— Это Лия решит сама.

Из кухни было видно бумажный дом на столе. Без крыши он выглядел уязвимее, чем днём. Грейс отвернулась от него к дочери.

— Я вернусь, когда вы ещё будете смотреть.

— Если фильм не закончится.

— Даже если закончится. Ханна будет здесь.

Джун кивнула и легла, подложив ладони под щёку. Ноги не поместились на диване, и она подтянула их. У неё становились длинные ступни. На фотографиях прошлого лета они ещё выглядели совсем детскими.

Грейс провела рукой по её волосам. Дочь позволила, потом поправила прядь там, где мать примяла её.

В 23:04 Ханна попросила воды. Грейс принесла два стакана, один поставила на столик перед диваном, второй отдала Джун, которая тут же подула в него, сделав над поверхностью мелкую рябь.

— Не пролей на пульт, — сказала Ханна.

— Я умею пить.

— Тогда пьём, а не создаём погоду.

Грейс вытерла кухонную стойку. Две минуты до выхода тянулись долго. Она проверила заряд, громкость, сообщение Дэниелу. Не стала писать Лии «готова?». Снаружи шаркнули шаги, но прошли дальше.

В 23:06 дочь помахала ей, не отнимая головы от подушки.

— Пока.

— Я скоро.

Ханна показала на свой телефон, лежавший на подлокотнике.

Грейс надела лёгкую куртку. В прихожей заметила резинку, которую оставил Бен, и почему-то взяла с собой. Спрятала в карман, поверх телефона, вышла в боковую дверь и потянула её до щелчка.

Из гостиной донёсся смех дочери. Уже не было понятно, над чем.

Глава 7

На улице было светлее, чем казалось из кухни.

Над боковой дверью Чо горела лампа, у Тессы подсвечивались ступеньки, а за заборами стояло ровное жёлтое свечение районной улицы. Грейс прошла к калитке и подняла створку. Она открылась с протяжным скрипом. Винты остались в ящике.

Лии пока не было.

В садовой полосе пахло влажной травой: кто-то слишком поздно включил полив. Струя ударяла в забор через равные промежутки. Грейс отошла, чтобы не намочить туфли. На втором этаже у Даннеров будто сдвинулась оконная рама. Грейс остановилась. Рама осталась на месте. В соседнем стекле погас её отблеск. Она обнаружила, что всматривается в чужие окна, и опустила глаза.

Телефон показывал 23:08.

Дэниел прислал: «На месте». Она ответила одним словом и открыла сообщение Лии, чтобы не искать его, если понадобится. Лия ничего не писала со времени короткого «до встречи».

Отсюда Грейс видела край собственной кухни. Лампа над столом освещала серые стены бумажного дома; стекло возвращало её неясное отражение поверх одной из них. Чашку с кисточками она сняла со стола, но оставила у края стойки. Мот и туда мог запрыгнуть.

В 23:10 дверь Даннеров ещё была закрыта. Грейс осталась у калитки.

В 23:11 пришло первое подтверждение. Потом второе. Владельцы писали разными словами: «Остановил», «Выключено», «Готово». Грейс проверяла номера, а не имена. Рут ответила коротким «да».

Часы всё ещё показывали 23:11, когда пришли подтверждения от всех восьми. Грейс не видела их телефонов, не могла проверить каждый объектив. Она только получила обещания.

С другой стороны дорожки тихо ударилась о раму дверь.

Лия вышла с тёмной сумкой. На плече у неё был узкий ремешок небольшого рюкзака. Она закрыла дверь, задержала ладонь на ручке, потом убрала.

Грейс не двинулась навстречу. Так они договорились: ждать здесь, не идти к её дому.

— Всё? — спросила она, когда Лия подошла.

— То, что беру.

Грейс потянулась к тяжёлой сумке. Лия перехватила ручку.

— Я сама.

— Хорошо.

Грейс повернула к ней экран.

— Все восемь ответили.

Лия кивнула и пошла.

Они двигались вдоль заборов по сухой части дорожки. В одном саду пахло углями, которые ещё не успели совсем погаснуть после ужина. Где-то работал кондиционер. На трёх ступеньках возле дома Чо лежала садовая перчатка с отогнутым большим пальцем. Грейс машинально отметила её: Дэниел потом снова будет искать пару.

Лия шла не быстро. Сумка задевала бедро, и она каждый раз отводила руку чуть дальше. Грейс предложила бы помочь второй раз, если бы не видела, как крепко та держит ручку.

— Надя сказала, я могу передумать насчёт встречи, — произнесла Лия. — В любой момент.

— Конечно.

— Не насчёт того, чтобы уйти. Насчёт того, кто меня встретит.

— Я поняла.

— Я знаю, что ты поняла. Просто хочу сказать это ещё кому-нибудь.

У машины Дэниел вышел из-за руля, открыл багажник и отошёл. Не стал брать у неё сумку. Лия наклонила сумку при подъёме, опёрла её на прикрытый пледом край и вдвинула внутрь. Затем сняла рюкзак.

Грейс вдруг захотела обнять её. Желание было таким сильным, что она уже подняла руку, но Лия повернулась к открытой двери, проверяя, где лежит ремень безопасности.

Она опустила руку.

Дэниел посмотрел на неё поверх крыши.

— Ты домой отсюда дойдёшь?

— Да.

— Тогда не стой на выезде. Мне правее надо.

Грейс отступила. Обыкновенное замечание, обыкновенная машина с царапиной возле задней фары. У неё скрипнула подвеска, когда Лия села внутрь.

Дверь оставалась открытой.

— Твой контейнер не закрывается, — сказала Лия.

Грейс не сразу поняла.

— Крышка другая?

— Наверное. У меня где-то осталась твоя.

— Найдётся.

Лия кивнула. Смотрела она уже не на Грейс, а в пространство перед собой, на приборную панель, чужую бутылку воды в подстаканнике. Потом повернулась.

— Спасибо, что не пришла за мной к двери.

Она закрыла машину.

В 23:18 Дэниел выехал на районную улицу. Грейс дождалась, пока красные огни миновали поворот, и только тогда пошла обратно. Не потому, что могла ещё что-нибудь изменить. Просто не знала, в какой момент перестают провожать человека в такой вечер.

Телефон завибрировал у неё в руке. Она ожидала ещё одного запоздалого подтверждения, но увидела имя Ханны.

«Джун не у тебя?»

Грейс остановилась возле забора Тессы.

Написала: «Нет». Сразу нажала вызов.

Ханна ответила на первом гудке.

— Ты её видела?

— Нет. А что?

— Мы пролили воду. Она встала за полотенцем. Я думала, что на кухню. Дверь была приоткрыта, и кота всё ещё не было. Я пошла посмотреть, не вышла ли она к тебе.

— Ты на часы смотрела?

— Нет.

— Я сейчас.

Грейс уже шла быстрее. У туфель были жёсткие задники, кожа тёрла пятку.

— Я проверила наверху, — продолжила Ханна. — Её там нет.

— Может, в прачечной.

— Проверила.

— Под столом она иногда…

— Грейс, я всё проверила.

Она не сказала это резко. От этого Грейс пошла ещё быстрее.

На дорожке ничего не изменилось. Полив бил в доски. Возле дома Чо лежала перчатка. Впереди показалась её калитка, открытая не до конца; створка упиралась в землю. Грейс не помнила, защёлкнула ли её за собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.